

Николай Полевой "Малороссия" ("Московский телеграф", 1830, № 17–18")

Русская радикальная платформа с удовольствием представляет вниманию читателя работу видного общественного деятеля, публициста и историка начала XIX века **Николая Полевого** с обстоятельным разбором и ныне актуальной проблемы. В работе "**Малороссия**", представляющей собой рецензию на книгу Бантыш-Каменского Д.Н. "История Малой России" Николай Полевой подробно обосновывает, что русские и украинцы или, как их тогда называли, великорусы и малорусы, являются двумя разными народами, как с политической, так и с этнической и культурной точек зрения.

Уникальность и ценность этой работы заключается в том, что написана она не украинским или малороссийским «самостийником», а великорусским националистом и радикалом, убежденным «москвитом» из сибирской купеческой семьи. На страницах своего закрытого цензурой журнала «**Московский Телеграф**» Николай Полевой излагал взгляды, которые с

полным основанием можно назвать буржуазным национализмом, считая именно «третье сословие» основой настоящей нации и будучи благодаря этому красной тряпкой для дворянско-имперских кругов.

Полевой и его единомышленники не успели в свое время выдвинуть полное концептуальное изложение своих взглядов отдельной идейной программой, облечь своё мировоззрение в виде "дорожной карты" или просто "партийной программы". До запрещения и разгона журнала "Московский Телеграф" оригинальные и "самородковые" мысли великоросских глашатаев буржуазного национализма были оставлены (в разброс) в различных местах выпусков этого проекта. Сегодняшним поколениям, имея тематический интерес, остаётся лишь с нуля штудировать и систематизировать это наследие.

Можно лишь выделить сразу, т.е. беглым взором, несколько интересных умозаключений. Остальные ждут своего часа и переоткрытия. Из рокового выпуска, послужившего поводом закрытия, выписки графа С.С.Уварова: «...что, если бы среди обширной столицы кто-нибудь вышел на площадь и стал провозглашать пред толпою народа о необходимости революций, о неосуждении всеобщности революций; что явления нидерландской революции прекрасны, что Россия, хитрою политикою разжигая раздоры и смуты, во всяком случае выигрывала пред Польшею; что ещё Разумовский согревал в душе тайную мысль о свободе Малороссии; что жители Приволжья и Придонья совершенно чуждые нам и то же, что колонисты или цыгане; что наше правительство ежегодно ссылает в Сибирь по 25 тысяч человек на железном канате; что французы теперь равны один другому и что во Франции теперь всё ведет ко всему».

В пику Николаю Карамзину и его «Истории государства Российского» Полевой взялся составить «Историю русского народа», которую, к сожалению, так и не успел завершить, написав лишь 6 томов из задуманных 12-ти. Популярнейший на тот момент журнал Полевого «Московский Телеграф» был закрыт, а он сам обвинен в распространении крамолы, якобинства и сепаратизма, став тем самым первым русским националистом, заслужившим такое обвинение от имперской пропаганды и администрации.

Да, на фоне других представителей радикального лагеря вроде Белинского и Герцена, которым также было не чуждо русское национальное самосознание — вопреки мифу охранителей о радикалах как русофобах, Полевой был последовательным русским националистом. При этом он был именно этническим русским или великорусским националистом, противостоя в качестве такового химере имперской «русскости», стремящейся к распространению на все народы империи и их «русификации». В первую очередь это касалось, конечно, украинского народа или малороссов, как их тогда называли, которых казенные патриоты пытались представить как «один народ» с этническими русскими, великорусами. В своей работе Полевой как не только историк и теоретик, но и как великоросс и сибиряк, своими глазами видевший Украину, изучавший ее на месте и много видевший украинцев, разоблачает этот миф.

Михаил Назаренко писал, что для Николая Полевого малорусский миф был лишь мифом, вину за создание которого он возлагал на Карамзина: ведь, согласно "Истории Государства Российского" (в пересказе редактора "Московского телеграфа"), Малороссия "была Россия и теперь Россия; вся разница, что там течет Ворскла, а близ Москвы Ока; что там говорят не чистым Русским языком, а у нас чистым" (изложение построений Карамзина).

Полевой предлагал признать, что Малороссия никогда не была "древним достоянием" России (опять слова Карамзина): эту страну завоевали — как англичане Шотландию и Ирландию. "Мы обрусил их аристократов, помаленьку устранили местные права, ввели свои законы, поверья <...> но за всем тем обрусить туземцев не успели, так же как Татар, Бурятов и Самоедов", ... "В сей народности мы видим только два основных элемента древней Руси: веру и язык, но и те были изменены временем. Все остальное не наше: физиогномия, нравы, жилища, быт, поэзия, одежда".

Стоит ещё заметить, что Полевой не был классическим и академическим ученым. И прибегал в умопостроениях к окружавшей и царившей тогда терминологии, понятийным схемам и воззренческим подходам, имевшим литературное хождение в начале - первой половине XIX века в самодержавной России. А потому при ознакомлении с ними, сталкиваясь с неточностями историко-описательного характера (с точки зрения современного взгляда), следует делать на это скидку. Но при всём этом его размышления и выводы, открыто публиковавшиеся непродолжительное время для грамотной русской публики, звучат нетривиально на фоне централизаторских и унификаторских тенденций самодержавной внутренней политики.

Так, специфику Украины он объяснял не холопским онемечиванием или ополячиванием прежней «Малороссии», как это было принято считать среди казенных патриотов-охранителей, а наоборот ее оказачиванием. Собственно, именно из феномена казачества Полевой и выводит этническую самобытность украинского народа, в чем позже с ним согласился его полный идейный антагонист Николай Ульянов.

При этом важно, что в отличие от той категории современных русских националистов, которые признают русских и украинцев разными народами и на основании этого обращают против последних ненависть или обвиняют их в воровстве русских территорий, Полевой не делает ни того, ни другого. Он с явной симпатией относится к украинцам и даже местами допускает критические нотки в отношении русских, сравнивая два народа, но как сибиряк и великоросс понимает естественное отличие от южан-украинцев русских как народа с северной основой - «чистых славян» как он их называет или, как мы уже знаем сегодня на основе имеющихся генетических и археологических данных, народа, замешанного на балто-фено-скандском субстрате. Также Полевой описывает естественные этнографические границы украинцев как весьма обширные в пику тенденции среди современных русских националистов низводить их до Западной или максимум Правобережной Украины. Впрочем, последнее тогда было

очевидно для любых этнографов, занимавшихся разграничением внутри Империи великорусских и малороссийских губерний и территорий.

Наконец, он критикует воззрение, согласно которому украинский язык является ополяченным русским, напротив считая, что это живой и естественный народный язык, у которого была своя языковая и закономерная эволюция. В том числе он сетовал на нехватку правильно выстроенной литературы на современном ему народном малороссийском (украинском) языке, рассуждая о том, что текстовые построения староукраинской речевой стилистикой уже не выражает саму народную сущность. То есть, как великорус он опередил в подобных размышлениях даже украинских шевченковцев и т. н. «письменников».

Это лишь краткий и субъективный обзор интересных, особенно для его эпохи тезисов. Ну, а выводы из прочитанного каждый будет делать сам.

07.12.2019 г.,

Сибирь - Богемия

Исторія Малой Россіи (Сочиненіе Д. Н. Бантышъ-Каменскаго). 3 части. М. 1830 г. въ ш. Селивановскаго.

Чѣмъ отличаетъ Исторія отъ Лѣтописи? Рядъ событій, записанныхъ самовидцами, или потомками, по слуху, по преданіямъ, безъ разбора, какъ что было, въ хронологическомъ порядкѣ — вотъ *Лѣтопись*. Что же *Исторія*? — Спрашиваемъ, не говоря о формѣ, въ какой шотъ или другой историкъ ее излагаетъ. Пусть явится Исторія въ романическомъ разсказѣ Баранта, или дидактическомъ изложеніи Гизо; пусть дѣлаетъ части своего сочиненія историкъ, какъ Робертсонъ, какъ Гиббонъ, какъ І. Миллеръ — система составляетъ душу Исторіи, этого *отвѣта памяти уму*. Матеріалы, сущность событій, критическій разборъ того и другаго, выводы, все должно быть предварительно по системѣ повѣрено историкомъ; самое изложеніе историка должно быть слѣдствіемъ сущности предмета, опредѣленной систематическою повѣркою. Какъ Провидѣніе, какъ судьба, смолришь послѣ сего историкъ на избранное имъ, отъ начала до окончанія взятаго періода, или отъ средоточія до границъ предположеннаго предмета. Часть событій, вынятая изъ безконечнаго продолженія жизни Человѣчества, будетъ-ли сія часть опредѣлена временемъ, или развитіемъ событій, страна какая либо, предметъ общественной жизни, даже *одинъ человекъ* — могутъ быть

предметомъ Исторіи. Въ слѣдствіе сего, можешь бышь написана Исторія, не шолько государства, но области и города.

Однакожь, первое условіе наше съ историкомъ должно бышь послѣ сего шо, что-бы *государство, область, городъ, человекъ*, словомъ — предметъ, имъ избранный, представлялъ нѣчто отдѣльное, нѣчто жившее своею, болѣе или менѣе рѣзкою, жизнью; иначе Исторія бышь не можешь. Возьмемъ изъ Русской Исторіи *Новгородъ* и *Смоленскъ*. Какая яркая жизнь можешь освѣпшишь особую Исторію Новгорода! Исторію Смоленска, напрошивъ, едва-ли должно пишашь отдѣльно. Всегда въ системѣ другихъ, окружавшихъ его, болѣе сильныхъ сосѣдей, всегда не-самобытний, Смоленскъ покажетъ намъ цѣпь событій; но, или вся Исторія Русская и Литовская должны вмѣспитись въ нее, представляя карлу съ исполинскою головою, или мы получимъ въ древнихъ временахъ сухое исчисленіе Князей, а окончимъ его исчисленіемъ Губернаторовъ, правившихъ Смоленскомъ съ открытія Намѣспничества до нашего времени.

И такъ, Исторія частная какой нибудь области, или города, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ государства, требуетъ *отдѣльной жизни*. Изъ сего явно, что и всѣ условія Исторіи частной, должны бышь въ семь случаѣ тѣже, что Исторій цѣлаго государства, и даже цѣлаго міра.

При частномъ предметѣ, историкъ долженъ первоначально, съ величайшею точностію, обозначить себѣ *предѣлы* своего предмета. Важное дѣло!

Исторію Новгорода начнешь онъ, напримѣръ, съ самаго пришествія Варяговъ и кончишь 1478-мъ годомъ: далѣ Новгородъ не существовалъ; онъ началъ жить общеою жизнью Руси: его Исторія кончилась.

Слѣдуетъ сущность предмета. Историкъ соблюдетъ всю полношу ея: онъ покажетъ, какъ началась, увеличивалась, сокращалась и погибла отдѣльная жизнь Новгорода. Онъ введетъ для сего обширными очерками жизнь древней Руси вообще, Ливвы, Ливонскихъ Крестоносцевъ, даже Ганзейскаго Союза, но все въ отношеніи Новгорода; объяснишь части, составлявшія Новгородъ: Финскіе народы, самихъ Новгородцевъ, разнообразныя области Новгорода; онъ объяснишь намъ душу Новгородцевъ, ихъ законы, мнѣнія, силу и безсиліе, постепенную отдѣльность ихъ отъ остальной Руси, мѣсто, природу мѣста, гдѣ былъ Новгородъ. Остальная Исторія Новгорода, съ 1478-го года, будетъ у историка тѣнью древнихъ яркихъ красокъ. Онъ приведетъ насъ на самыя развалины Новгородскія, и скажетъ, что *нынѣ стало* съ мѣстами, коихъ жизнь описана имъ. Такъ для насъ любопытна бываетъ участь гробницы замѣчательнаго человѣка; такъ съ умиленіемъ читаемъ мы надпись на гробъ Шуйскаго, сказывающую намъ, что гробъ сего несчастнаго Царя 23 года былъ въ плѣну Польскомъ. . . .

Приложимъ соображенія наши къ Малороссіи. Идише отъ Москвы на югъ, и вы увидите, что постепенно находя измѣненія, за Десною и Семью

вы перешли къ народу, совершенно отличному отъ насъ, чистыхъ Руссовъ. Языкъ, одежда, обликъ лица, бытъ, жилища, мнѣнія, повѣрья — совершенно не наши! Скажемъ болѣе: на насъ смотряшь шамъ донынѣ неприязненно. Имя: *Москвитянинъ* (Москаль) показываешь отчужденіе наше отъ шумецевъ. Имя: *Казакъ*, которымъ гордишься шумецевъ, говоришь вамъ, что онъ не считаешь васъ своимъ землякомъ. Это — *Малороссія*.

Такое географическое, донынѣ сохранившееся различіе, въ то время, когда Правительствъ, формы управленія, аристократія Малороссійская слились съ нами, когда, однимъ словомъ, всѣ слѣды *политической самобытности Малороссіи* совершенно изглажены, явно показываешь вамъ, что долго и сильно жила отдѣльно отъ Россіи жизнью Малороссія. Вы хотите знать преданія Малороссіянъ; вы узнаете поэтическія были ихъ, читаете лѣтописи ихъ; разсматриваете Историческіе матеріялы, и удословляешься, что Малороссія достойна Исторіи: она дополняетъ нѣсколько чертъ къ Исторіи Человѣчества, и безъ участія Русской Исторіи заслуживаетъ наше изученіе.

Послѣ сего нѣтъ уже надобности объяснять: какъ должна бытъ писана Исторія Малороссіи. Условія тѣже, которыя мы объяснили выше. Сущность предмета разовьетъ объемъ, части, слогъ Историка.

Донынѣ Исторія Малороссіи не была написана. Не говоримъ о нѣсколькихъ компиляціяхъ, соста-

вленныхъ Малороссіянами, Рускими и иностранцами. Это *лѣтописи*, невѣрныя и безобразныя. Таковы находящіяся въ рукописи: Записки Шафопскаго, Исторія Руссовъ, исправленная Конисскимъ, Описаніе Симоновскаго, Повѣствованіе Ригельмана, Описаніе Зарульскаго, еще нѣсколько безыменныхъ лѣтописей; таковы и печатныя: Лѣтописецъ, изданный Рубаномъ, Лѣтописецъ, напечатанный Туманскимъ. Назвавъ ихъ матеріялами, пребующими строгаго повѣрки критической, прибавимъ, что матеріялы для Исторіи Малороссіи заключаются кромѣ того въ драгоценныхъ актахъ, хранящихся въ нашихъ Архивахъ. Миллеръ и, родители Историка Малороссіи, Н. Н. Бантыш-Каменскій разбирали, сличали сіи матеріялы; опыты ихъ занятій остались рукописные, и отчасти напечатаны. Другой родъ матеріяловъ находимъ у Польскихъ и другихъ иностранныхъ писателей. Таковы: драгоценное *Description d'Ukraine*, писанное Бонпланомъ (нап. въ Руанѣ, 1660 г.), жившимъ въ Малороссіи и Польшѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, 17 лѣтъ; *Histoire de la guerre des Cosaques*, сочиненная Шевалье, также служившимъ въ войскѣ Поляковъ, и напечатавшимъ свое сочиненіе въ Парижѣ, въ 1663 году. Изъ Польскихъ сочиненій, важнѣйшее *Pastoria, Bellum Scythico-Cosacicum* (Данцигъ, 1652 г.). Само собою разумѣется, что для Исторіи Малороссійской важны также сочиненія Нѣмцевича (*Dzieie panowania Sigmunta III*), Кобержицкаго (Исп. Владислава), Нѣсецкаго (Корона Polska), Когновицкаго (Жизнь Сапеги), Нарушевича (Исторія нар. Польскаго, Жизнь Ход-

кевича), и проч. — Надобно упомянуть однакожь о книгахъ, извѣстныхъ донинѣ подь именемъ *Исторій Малороссіи*. Шереръ, Французъ, бывший въ Россіи, кое-какъ перевелъ Рубановъ Лѣшопи-сець, и издалъ его (Парижъ, 1788 г.), подь имено-мъ: *Annales de la Petite-Russie*; компиляція Нѣмца Энгеля издана была въ Галлѣ, 1796 года, подь громкимъ именемъ: *Geschichte der Ukraine*. Лесюръ (извѣстный собирашель книги: *Annuaire historique*) издалъ въ 1814 г., въ Парижѣ, *Histoire des Cosaques*, начиная ее Киммеріянами. Г-нъ Мартошь показаль намъ образчики сочиняемой, или сочиненной уже имъ *Исторіи Малороссіи*, въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 и 1823 годовъ. Мы слышали, что разборъ книги Д. Н. Бантышъ-Каменскаго (Сынъ Ошечества, 1823 года, т. LXXXIII, 130—138) сочиненъ былъ Г-мъ Мартосомъ: образчикъ, и эшошь разборъ не за-ставляющъ ожидать многого.

Не будемъ разбирашь матеріаловъ: Бонпланъ, Пасторій, Конисскій, драгоцѣпны, но пребуощъ кришки, сказали мы; сего довольно, и ошь нихъ боляе ничего не лязя ожидать. Но Историки Малороссійскіе донинѣ принимались за свое дѣло весьма неловко. Карамзинъ, въ Исторіи государства Россійскаго, вовсе забыль, кажется, Малороссію, эшу важную часть Россійскаго государства съ XVII-го вѣка. Доведа свое повѣствование до начала XVIII-го вѣка, онъ мимоходомъ упоминаль мѣстами о Малороссіи, и мы видимъ, что если-бы онъ дошелъ наконецъ до Хмельницкаго, то, разумѣт-ся, ошдѣлался-бы также легко, какъ ошдѣлался онъ ошь происхожденія *Казаковъ* (Ист. Г. Р. т. V,

стр. 393), ш. е. подарилъ-бы насъ великолѣпнымъ рассказомъ о патриотизмѣ Хмельницкаго, п-полько. Да и что за надобность до изсѣдованій дальнѣйшихъ? Святославъ былъ Князь Русскій, Ярославъ тоже, Іоаннъ III-й тоже: первый ходилъ подъ Царьградъ, второй заводилъ училища, третій билъ Татаръ; Историкъ говоритъ намъ это, и его дѣло кончено; были-бы гдѣ върны и рассказъ историка хорошъ. Такъ и Малороссія. Она была Россія и теперь Россія; вся разница, что тамъ печать Ворскла, а близъ Москвы Ока; что тамъ говорятъ не чистымъ Русскимъ языкомъ, а у насъ чистымъ. Нѣсколько времени было тамъ что-то въ родѣ бунтовщиковъ, а потомъ подчинилось законному владычеству.

Шушки въ спорону, а точно такъ представляли себѣ Малороссію наши Историки. То, что называлось въ послѣдствіи *Малороссією*, говорили они, было нечто иное, какъ *древняя Россія*. Кіевъ центръ Малороссіи, а кто-же не знаетъ, что съ 880-го по 1169-й годъ столица Великихъ Князей Русскихъ была въ Кіевѣ? Андрею Боголюбскому вздумалось перенести столицу во Владиміръ. Пришли Татары, сожгли и истребили все въ Южной Россіи. Часть Русскихъ укрылась за Днѣпровскими порогами, назвалась *Черкесами* и *Казаками*, приманила къ себѣ множество бѣглецовъ. «Сія-то природныя войны, усердныя къ «свободѣ и къ вѣрѣ Греческой, должныствовали въ «половинѣ XVII вѣка *избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достоинство онаго*» (Карамзинъ, ш. V, 395). — Жаль, очень жаль, прибавляюшъ къ этому

Историки, что Малороссiяне не всегда были такого добродорядочнаго поведенiя. Когда Самозванецъ шелъ къ Москвѣ, Малороссiйскiе Казаки «участвовъали, къ стыду своему, въ семь походъ,» впрочемъ, «прельщенные золошомъ Мнишка (*Ист. Малой Россiи*, т. I, стр. 181). Но, «Исторiя, предавая знаменитыя подвиги героевъ, не можешь скрывать дѣяній, помрачающихъ ихъ славу. Сагайдачный (Гешманъ Малороссiйскiй) обнажилъ съ 1618 году мечъ свой противъ соотечественниковъ... Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для личныхъ выгодъ, желая удержатъ за собою Гешманство, приобрѣлъ довѣрiе Правительства Польскаго, справедливую укориэну отъ потомства» (*Ист. М. Р.* т. I, стр. 185). Не лзя не поблагодарить усерднаго Нѣмца Энгеля: онъ снялъ укориэну, по крайней мѣрѣ, съ самихъ Казаковъ, ибо увѣряетъ, что Сагайдачный былъ подкупленъ за 20,000 гульденовъ Поляками,» а добрыя Малороссiяне были не виноваты (*G. der Ukr.* стр. 114). Наконецъ, Хмѣльницкiй «возвращаетъ нашему отечеству древнее доэто стоянiе онаго.» Нѣсколько буншовщиковъ до Мазепы, и злодѣй Мазепа, занимають еще насъ. «Послѣ Полшавскаго сраженiя Исторiя Малороссiи спановишся примѣшно незанимашельнѣе. Промежутокъ отъ Гешмана Скоропадскаго до уничтоженiя Гешманства, кажется, не предоставилъ Малороссамъ занять мѣсто гражданства въ Царствѣ Исторiи» (*С. О.* 1823, т. LXXXIII, стр. 135). Но языкъ, нравы, отдѣльность Малороссiянъ отъ насъ? Объ языкѣ говорять намъ, что отъ 1236 до 1654 года успѣлъ испоршишся отъ Польскаго

Сентябрь 1830.

скаго и Липовскаго Малороссійскій языкъ, который и безъ того нѣсколько различался отъ Сѣверныхъ нарѣчій Русскихъ.

И этимъ заключается все, что до сихъ поръ говоривали намъ о Малороссійской Исторіи. Отдѣльность отъ насъ, рѣшительно не наша, особая народность, не замѣчались, не описывались. Въ темъ онѣ сосшояшъ, какъ сосшавились, объ этомъ и слова не было.

Усердные патріоты не нарадуются только тому, что Россія началась удивительно, славно, не такъ, какъ другія государствва, и что она всегда имѣла не понятную силу переплавляшъ въ Рускихъ, въ единое цѣлое, все, что къ ней ни приспавало. Старые отломки, какова Малороссія, спаялись такъ, что и шрецинки не видно; новые иверни тоже припаялись сплошь плашно, что и слѣда нѣтъ.

Опечештво наше сильно и могущешвенно; да будешъ оно всегда славно и благоденспвенно! Такovy объшы, шаковы чувства, которые раздѣляютъ со всѣми благомыслящими соотечештвенниками; но при всемъ томъ никакъ не увлекаюсь я неосновательнымъ патріотизмомъ, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ.

Россія началась подобно другимъ государстввамъ, весьма обыкновенно — Русью, небольшимъ Норманнскимъ владѣніемъ въ земляхъ Славянскихъ; изъ феодальнаго Норманнскаго владѣнія измѣнилась она въ федеральный союзъ владѣній, принадлежавшихъ чле-

намъ одного семейства; возмущалась междоусобіями сего семейства, дошла опть сего до величайшей степени слабости и разрушенія. Нашествіе Татаръ было для нея шже, что для Европы Крестовые походы. Сія мысль совсѣмъ не парадоксъ, и кто безпристрастно разсмотримъ, шшь увидишь сходство сущности обоихъ событій, и слѣдствій опть нихъ бывшихъ. Христіанская религія и Русскій языкъ были единственные скрѣпы и подпоры Руси. Религіозное чувство спасло Русь опть Татаръ; оно же возставило Россію послѣ Самозванца. Калиша началъ, Іоаннъ III-й кончилъ соединеніе Сѣвера Руси, распавшагося на часпи; Іоаннъ IV присовокупилъ къ наслѣдію предковъ земли прежнихъ повелителей своихъ: степи, съ нѣсколькими городами и кочевьями, на нихъ находившимися. Между шьмъ, часть земель, бывшихъ нѣкогда *Русскими*, именно югъ и западъ древней Руси, находилась подъ властію чуждою (Галичь, Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ). Сначала Литва, попомъ Польша, съ кошорою слилась Литва, владѣли ими, занявъ оныя во времена Татаръ. Послѣ пробужденія Россіи, когда, не патриотизмъ, не любовь къ свободѣ, ибо ихъ не знали наши предки, и не усердіе къ роду Рурика, ибо рода Рюрикова тогда уже не было, но, повторимъ, религіозное чувство спасло Россію, Провидѣніе послало ей благословенный Домъ Романовыхъ, изъ коего явился цѣлый рядъ Царей замѣчательныхъ. Михаилъ, хотя слабый, хотя болѣе управляемый другими, цѣлялъ раны Россіи, и уступками спасъ самобыт-

нось ея; Алексій, достойный отецъ Петра, сталъ уже крѣпкимъ бойцомъ : пользуясь слабостію Польши , ошнлль Кіевъ , увлекъ къ себѣ Малороссію , на что не смѣлъ еще рѣшиться Михайлъ. Наконецъ явился безсмертный Петръ ; поборолъ Шведскаго великана ; какъ Іоаннъ IV-й , взялъ что и не принадлежало Россіи , Ливонію , и желѣзною своею рукою укрѣпилъ чуждую намъ Малороссію. Преемники слѣдовали по его стопамъ ; наконецъ , Россія являеться въ наше время величайшею , сославленною изъ разнообразныхъ частей , громадою.

Думаю , что сему изображенію не станушь прошиворѣчь , не станушь , ссылаясь на Карамзина , утверждать , что Россія была огромнымъ , единоедержавнымъ государствомъ со временъ Рурика ; попомъ два вѣка управлялась съ своими удѣльными Князьями , происшедшими отъ ошибки Ярослава ; далѣе подпала игу Татаръ , при чемъ цѣли Провидѣнія , явной , не было , по крайней мѣрѣ , мы не должны спарашься отыскашь сію цѣль. Правило Карамзина извѣстно : « Исторія не шерпитъ « опшмизма , и не должна въ происшествіяхъ ис- « кашь доказательствъ , что все дѣлается къ луч- « шему , ибо сіе мудрованіе несвойствено *обыкно- « венному здравому смыслу человѣческому* (?) , для « коего она пишеться » (Исп. Г. Р. т. V, стр. 380). Наконецъ , иго Татаръ свержено , и , мало по малу , все , *тѣмъ прежде владѣла Россія* , пріобрѣтено снова : сперва Малороссія , попомъ Ливонія , за шѣмъ Бѣлоруссія , и проч.

Осшавимъ подобные выводы « *обыкновенному здра- « вому смыслу человѣческому* , для коего *писалась пре-*

жде Исторія,» и позволимъ себѣ быть нѣсколько дальновиднѣе. Мы объяснили Историческій ходъ Россіи; обратимся къ составу частей ея.

Въ немъ также не находишься ничего удивительнаго, ничего такого, чѣмъ могли-бы мы кичиться передъ другими народами. Развѣ нѣшъ государствъ, которыя составлены, такъ-же какъ Россія, изъ разнообразныхъ частей? Взгляните на Англію (Ирландія, Шотландія, Ганноверъ), Швецію (Норвегія), Нидерланды (Бельгія), Австрію (Богемія, Венгрія, Италія, Славянскія земли), Турцію (Греція, Албанія, и проч.). Но, говоряшъ намъ, Россія обладала чудною силою, посредствомъ коей умѣла сплавить съ собою разныя части. Право, ничего этого не было. Россія представляеть намъ два рода составныхъ частей: *земли и народы*. Сіе различіе важно и необходимо. Татарскія степи и Сибирь мы взяли почти не населенныя; ошчасіи испребили не многихъ тамошнихъ жителей, ошчасіи ошавили ихъ шамъ прозябашъ, и они прозябають, такъ-же какъ Финны, Лашыши, Самоѣды, Горскіе народы: одни живуть осѣдло, другіе кочують; мы сами заселили ихъ мѣста и *обрусили* упомянутыя земли (таковы: *Сѣверная часть Россіи, Сибирь, Приволжье, Придонье, Крымъ*). Всѣ шеземные тамошніе народы поже въ отношеніи насъ, что колонисты Нѣмцы, Французы, Цыганы, и другіе народы, живущіе въ Россіи: они *наши*, но не *мы*. Съ областями, которыя были нѣкогда Русскія (*Приднѣпрье, Вольны*), и съ областями, которыя прежде не были Русскими (*Ость-Зейскія области, Литва, Финляндія, Малороссія*), мы поступили, какъ обык-

новенно послушающъ побѣдители съ завоеванными землями. Мы *обрусили* ихъ аристокрашовъ , помаленьку успранили мѣшныя права, ввели свои законы , повѣрря , удалили спрошнвухъ , сами перемѣшались съ просполюдинами-шумецами , но за всѣмъ пѣмъ обрусить шумецевъ не успѣли , шакъ-же какъ Ташаръ , Буряшовъ и Самоѣдовъ. Политической самобытности у нихъ нѣтъ , и бытъ не можеть , но опятъ — они *наши* , а не *мы*. Все эшо дѣлала Австрія съ Богемією и Венгрією , Англія съ Шотландією и Ирландією. Опъ чего мы успѣли сдѣлашь все эшо пише , скромнѣ , и прочнѣ другихъ ? Опъ того , что Венгрія , Богемія , Шотландія были уже *государства* , самобытно-образованныя , что поборошь ихъ было шрудно , и что въ борьбу вмѣшивалось много постороннихъ обстоятельствъ , вѣра , сосѣди , и проч. и проч. Мы , напрошивъ , заспава-ли побѣжденные нами народы на первой спешени ихъ гражданского бытія , имѣли досугъ , и — вошь вся разгадка мнимой способности переплавляшь въ Рускихъ все , что ни касалось Россіи. Что за Рускіе наши дикари , наши Ташары , наша Грузія , Малороссія , Бѣлороссія , Осшь-Зейскія обласпи , Финляндія ? Они прочны намъ , исторически и географически — правда ; но *народность* у нихъ своя , *мѣстность* своя.

Сюда , рѣшишельно , причисляемъ мы Малороссію , и послѣ сихъ соображеній , читатели могушь видѣшь неосновательность и непочносипь взгляда прежнихъ Историковъ на Малороссію. Пойдемъ дальѣ , и скажемъ , что *Малороссія* , не сдѣлавшись донынѣ *Русью* , никогда и не была *гастію древней*

Руси, точно такъ же, какъ Сибирь и Крымъ. Чшо же была она древле? Какая Исторія Малороссіи? Посшараемъ объяснить это крапкимъ образомъ.

Вовсе несправедливо думаютъ, что Кіевъ былъ когда нибудь средошочіемъ, или, лучше сказашъ, главнымъ пунктомъ Малороссіи. Напрошивъ, Малороссію составляли собственно земли по лѣвому берегу Днѣпра, отъ южной части Черниговской до южной границы Полшавской губерніи, захвашывая къ востоку часть Харьковской и упираясь къ сѣверу западнѣ Пушвига: это была *Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра*. Южная часть Кіевской губерніи, къ сѣверу южнѣ Кіева, къ западу не далѣ Днѣпра, къ югу не далѣ впаденія въ Днѣпръ рѣки Псла, была *Малороссія по правую сторону Днѣпра*. Къ сему присовокуплялся шаборъ *Запорожцевъ*, опброшенный далѣ на югъ, въ степи.

Когда Хмѣльницкій поддался Россіи, Малороссія дѣлилась на 17 полковъ. По правую сторону Днѣпра были: *Кіевскій, Бѣлоцерковскій, Паволотскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій, Уманскій, Корсунскій, Брацлавскій, Винницкій*; по лѣвую — *Черниговскій, Нѣжинскій, Полтавскій, Миргородскій, Прилуцкій, Переяславскій, Крапивенскій*.

При Петрѣ Великомъ, Малороссія дѣлилась на 10 полковъ, ибо кромѣ Кіева (съ нѣсколькими мѣстечками), Заднѣпріе намъ уже не принадлежало. Полки были: *Кіевскій* (главное мѣсто Козелець), *Прилуцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Гадячскій, Полтавскій, Переяславскій, Стародубскій, Черниговскій, Миргородскій*.

Сумы, Ахтырка, Острогжскъ, Харьковъ и Изюмъ составляли тогда пять *Слободскихъ* полковъ, выселившихся изъ *Заднѣпрья*, для защиты границъ отъ *Крымскихъ Татаръ*, съ 1654 года, и они собственно не входили въ *Малороссію*.

Надобно знать мѣстность и состояніе Древней Руси, что-бы понять значеніе областей ея до нашего времени. *Татары*. Предѣлы древней Руси не простирались на югъ по лѣвую сторону *Днѣпра* далѣ впаденія *Сулы* (половины *Полтавской губерніи*), къ востоку упираясь въ *Семь*; съ правой стороны *Днѣпра*, рѣка *Рось* и уклонъ къ вершинамъ *Прута* были предѣломъ. Тушь, верстахъ въ 20-ти отъ *Переяслава*, былъ и спорожевой городъ *Русскій* прошивъ *Половцевъ*, *Каневъ*. Слѣдовательно, половина *Малороссіи*, а что всего важнѣе, собственно гнѣздъ *Малороссіи*, древле не были *Русскими областями*. Тамъ, въ дѣсахъ и степяхъ, кочевали, бродили, дрались между собою, и съ *Руссами*, и за *Руссовъ*, *Хазары*, *Печенѣги*, *Половцы*.

Самыя области *Русскія* представляли нѣсколько городовъ, ш. е. укрѣпленныхъ стѣнами селеній, въ коихъ жили *Князья* и ихъ намѣстники. Между сими городами были рѣдко разсѣяны мѣлкія селенія (родъ *хуторовъ*, *зимовьевъ*), въ коихъ жилъ народъ, и бѣгалъ въ городки отъ набѣга иноплеменниковъ и меча *Князя*, воевавшего съ ихъ *Княземъ*. Это случалось непрерывно. Возвращаясь, *Русь* находилъ пепелище, строилъ новую хижину, и вскорѣ опять бѣжалъ въ городокъ. Не было распространенія общесственной жизни на каждомъ шагѣ, не было без-

отаснаго, спокойнаго расположенія всюду гдѣ угодно, кромѣ городовъ. Такіе-шо города были: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Треполь, Овручь, Бѣлгородъ, и проч. Слѣдствія сего полишческаго быша легко понятъ.

Пришли Ташары. Чшо прежде продолжалось годъ или два, шо продолжилось цѣлый вѣкъ. Болѣе ста лѣтъ непрерывно вистѣлъ мечъ убійць Азійскихъ надъ жипелями, и лишаль ихъ надежды на завшра. Не было уже опдыха; не было мгновеннаго мира, когда-бы можно было выйдши изъ городка, поспроить хошь на одно лѣшо хижину и вспахать землю. При шакомъ состояніи, въ душѣ челоувѣка является естественное побужденіе, по кошорому, видя безконечную и неизбѣжную гибель, онъ хочешъ лучше встрѣпшишь ее грудью, защищая себя, нежели погибнуть въ бездѣйствіи. Ошъ сего при владычествѣ Ташаръ образовалось въ Руси два рода/состоянія жипелей: *городское* и *казацкое*.

Въ Сѣверной Руси, гдѣ хошя была въ основаніи потрясена, но уцѣлѣла самобышность Княжесивъ, древняя *Городская* жизнь преимуществвовала, и общеспвенность оспавалась по прежнему. Въ Южной, гдѣ рѣшительнo исчезли Русскіе Князья, ихъ бояре, дружины, упала духовная власть, безвыѣздно заочевали Ташары, и города, опаленные пожаромъ, безъ сшѣтъ, безъ защиты, стояли съ шрепещущими ихъ жипелями среди пущынь — явилась жизнь *Казацкая*.

Много было споровъ о шомъ, что значить: *Казаць*. Это слово идешъ изъ Азіи; шамъ донынѣ мы

знаемъ орды *Казаковъ* (Киргизъ-Кайсаковъ); имя ихъ означашъ *воинъ*. Имя *Казаковъ*, или *Касаковъ*, звучало на правой сторонѣ Волги съ древнихъ временъ. Укажемъ на *Касоговъ*, и на *Касахию* Коншаншина Багрянороднаго.

Вспомнимъ послѣ сего два обстоятельство, удивительно способствовавшія началу *Украинскаго Казачества*. Южные предѣлы древней Руси издревле охраняли орды Азіяскихъ народовъ: *Торки*, *Черныя Клобуки* (Хара-Калпаки, ш. е. *черныя шапки*). Они были подвластны Руссамъ, но не были Руссы, не были и данники Русскіе. Они служили изъ корысти, сохраняли Азіяскія имена, и рѣдкіе изъ нихъ принимали Христіанство. Въ древнія еще времена ошь нихъ опдѣлялись *Бродники* — толпы воиновъ, соспавленные изъ нихъ и Половцевъ, бродившія повсюду и дравшіяся за кого угодно и съ кѣмъ угодно, по' найму. *Берладъ* въ Молдавіи древле представлялъ шоже, что въ послѣдствіи была Сѣча: военное общество, жившее оседло, грабежемъ и удалствомъ. Какъ прежде ошь Половцевъ, шакъ съ половины XIII вѣка ошь Ташаръ стали приставашъ къ подобнымъ Бродникамъ и Берладникамъ бродяги. Сіи толпы наѣздниковъ соспавляли разныя опдѣльныя шановья, выѣзжали изъ своихъ пришоновъ, били, грабили, и называли себя *Казаками*. Сіе имя, кошорымъ они гордились, обращали въ позоръ имъ и Рускіе и Турки, узнавшіе ихъ на Черномъ морѣ. Другое обстоятельство, споспѣшествовавшее образованію Украинскихъ *Казаковъ*, было владычество Липовцевъ, проспершееся надъ Кіевомъ, Черниговомъ и другими мѣстами бывшей Руси, по обѣ

шпороны Днѣпра: Липовцы, по полишическому образованію своему, представляли вольнымъ удалцамъ Украинскимъ совершенно по-Казацки образованное государшво.

Вскорѣ по составленіи Казацкихъ спановищъ въ разныхъ мѣстахъ, Ташары, Липва, Руссы начали употребляшь ихъ, какъ средство защиты и мщенія. Такъ, въ концѣ XIII вѣка, были населены близъ Рыльска Ахмашовы слободы — истинный *Берладъ*! Съ 1444 года узнаемъ Казаковъ *Рязанскихъ*; *Ордынскіе* Казаки были извѣстны еще прежде, обитая близъ Ташарскихъ ордъ. Нарочно заведены были попомъ Казаки въ Липвѣ (въ концѣ XVI-го вѣка); шайки наѣздниковъ, рыскавшихъ по Россіи во время междуцарствія съ Лисовскимъ, именовались *Казаками Лисовскаго*, и подъ симъ именемъ гарцовали они въ Германіи въ Тридцатилѣтнюю войну. Наконецъ введена была правильная система: закрывашъ предѣлы земель вольными, удалыми, Казацкими спановьями, и она продолжалась до нашего времени. Въ концѣ XV-го вѣка явились Казаки *Азовскіе*; съ начала XVI-го вѣка они были уже грозными жителями Дона, и именовались *Донскими*. Въ концѣ XVI-го вѣка, Нечай положилъ съ ними начало *Яицкихъ* Казаковъ (съ 1775 года *Уральскими* названныхъ); Ермакъ начало *Сибирскихъ* Казаковъ, а шоварищъ его Андрей *Гребенскихъ*; выселенцы изъ *Донскихъ* и *Слободскихъ* составили попомъ *Чугуевскихъ* Казаковъ; ошь *Донскихъ*-же явились *Волжскіе*, *Астраханскіе*, *Терскіе*, *Бугскіе*, *Моздокскіе* и *Линейные* (*Кубанскіе*). Кто защищаетъ донныя нашу Азіяшскую и Кавказскую границу? Ихъ попомки.

Такимъ образомъ , послѣ нашествія Ташарскаго открывається намъ обширная система *Казагства*, свойственная вѣку, мѣстности, и Испорія Казаковъ является обстоительствомъ важнымъ, донынѣ не замѣченнымъ нашими Испориками.

Надобно различать двѣ эпохи: *первоначальнаго образованія Казаковъ*, и *систематическія, слѣдовавшія за тѣмъ, образованія ихъ*. Второе вообще должно полагать въ половинѣ XV столѣтія, ибо тогда узнаемъ мы два главные Казацкіе ошдѣла: *Донской и Украинскій*, изъ коихъ ошъ одного образовались всѣ *восточныя отрасли Казацкія*, ошъ другого народъ *Малороссійскій*. Донскіе Казаки съ 1499-го года извѣстны уже, какъ сильное политическое общество; Украинскіе являющіяся такими-же съ 1517 года; слѣдственно: *отнести къ половинѣ XV вѣка начало систематическаго образованія Казаковъ*, имѣемъ мы полное право. Губительная власть Ташаръ относится къ половинѣ XIII столѣтія. Промежушокъ составляетъ *двѣсти лѣтъ*. Послѣ сего, почти положительнымъ дѣлается выводъ, что вскорѣ послѣ Ташарскаго нашествія, первоначальное сосзавленіе Казаковъ имѣло свое начало.

Желательно вразумить нашихъ криптиковъ и испориковъ въ слѣдующемъ: надобно имъ рѣшительно бросить старое повѣрье, что для начала долженъ быть въ каждомъ гражданскомъ обществѣ какой нибудь политическій первый человекъ, какой нибудь Адамъ, ошъ коего распложились потомки, иногда принимая и имя его. Въ самомъ дикомъ обществѣ людей всегда бывали начальники, но не *Адамы*, а

явленія мимолетныя, временныя, не важныя, пока общество не достигало извѣстной зрѣлости.

Татарскія кочевья распространились, послѣ покоренія Руси, отъ Волги до Днѣпра. За Днѣпромъ была у нихъ только сторожа. Вся степь отъ Дона до Днѣпра, гдѣ прежде кочевали Половцы, была очищена ими. Плато-Карпини, вѣдвшій къ Башью въ 1245 году, встрѣшилъ сторожевыхъ Татаръ въ Каневѣ, по правую сторону Днѣпра, на *Русской сторонѣ*. Тутъ жилъ Куремша, Татарскій шемникъ, для спражи отъ нападенія Западныхъ народовъ (est autem Dux iste Dominus omnium, qui positi sunt in custodia contra omnes Occidentis populos, ne fortè subito et improvisò irruant aliqui super illos). Пространство между Днѣпромъ и Дономъ, Карпини называесть *Команскою* землею (ш. е. Половецкою, ибо *Куманы* и *Половцы* одно и тоже). Онъ говоритъ, что Команская земля велика и пространна, но что Куманы испреблены Татарами, часпю только ошатики ихъ служатъ рабами Татаръ, часпю убѣжали къ другимъ народамъ. Переѣхавъ степь Команскую, гдѣ кочевалъ Ханъ *Монтій* (?), на Дону Карпини нашель прешье кочевье Татарское, Хана *Тирбона* (?).

Въ половинѣ XIV вѣка, Ольгердъ погналъ уже Татаръ съ береговъ Днѣпровскихъ. Его намѣстники правили Кіевомъ, Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ. Въ концѣ XIV вѣка Вишовшъ началъ бороться съ Русью, и рѣшишельно съ Татарами.

Видимъ, что только въ южныхъ углахъ, за Дономъ, при Азовскомъ морѣ, и за Днѣпровскими по-

рогами къ Черному морю, могли сбѣгаться и обсе-
ляться, съ самаго нашествія Ташарь, *Берладники*,
Бродники, *Черкасы*, *Казакки*, шакъ, какъ на кра-
яхъ Кипчака, на краяхъ Руси (въ Рязани, въ Кур-
скѣ), они составляли себѣ пришоны. Отъ Азовска-
го моря спали они попомъ поднимаются по Дону,
гдѣ (слова Г-на Сухорукова) «отъ устья Аксая до
нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ,
между непроходимыми болошами, были разсыяны
небольшія крѣпостцы, единственныя ихъ жилища,
извѣсныя тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ сихъ
городкахъ, гдѣ едва помѣщалось нѣсколько бѣдныхъ
избъ, или землянокъ, Казаки проводили всю свою
жизнь, шочно какъ на бивакахъ, спарались только
имѣть приюстъ и защиту отъ непогоды. «Пускай»—
говорили они — «пламя набѣговъ сожжешь городки
«наши: черезъ недѣлю заплемемъ новыя плешни,
«набьемъ ихъ землю, покроемъ избы, и городокъ
«гошовъ. Скорѣе врагъ уснанешъ сожигашъ наши
«жилища, нежели мы возобновляемъ ихъ.» Въ Раздо-
рахъ было у нихъ сначала главное спановище, по-
помъ въ городкѣ *Монашырскомъ*, наконецъ въ *Чер-
касскомъ* городкѣ.

Донскіе Казаки были смѣсью Рускихъ, Ташарь,
Горскихъ Черкесовъ, Калмыковъ. Основаніе быша
ихъ было болѣе *Азіатское*, шакъ-же какъ оружіе и
образъ набѣговъ.

Необходимость спасенія жизни, побѣгомъ въ даль-
нюю спорону, была началомъ Донскаго Казачества.
Безопасность родила попомъ чувство мщенія врагу
и независимости ни отъ кого. Независимость, до-

быча, усиленіе повариществъ, осѣдлость показали наконецъ бѣглецамъ прелесть Казацкой жизни. Необразованный, грубый, прежде рабъ, шрепещущій плепи Ташарина, если не меча его, безчестимый, позоримый, шеперь воинъ, съ мечемъ въ рукѣ, съ легкимъ конемъ, свободный, какъ въпръ шепей, славимый въ пѣснѣ, равный поварищамъ — могъ-ли бѣглецъ на Донъ не полюбить Казацкой жизни? Лучшая пѣнница была его женою; лучшая шкань изъ добычи одеждою, лучшее оружіе врага его сайгашомъ. « На Донскомъ Казакъ (слова Г-на Сухорукова) видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: *Нагайское* или *Черкесское* сѣдло; *Крымская* или *Турецкая* попона, *Черкесская* епанча, *Русская* пицаль, оправленная по Турецки, и при ней рогъ и вязни; *Персидская* сабля; на поясъ булашный ножъ, съ черенкомъ рыбаго зуба; Турецкій сайдакъ, рогашина» — шаковъ былъ нарядъ Казака Донскаго. Поколѣнія росли при звукѣ оружія и бишвѣ. Запѣвая: « *Ты прости, прощай, тихій Донъ Ивановичъ,* » Казакъ плылъ подь Азовъ, подь Трапезуншъ, Синопъ — *зилунъ себѣ добывать*; скакалъ въ Крымъ, на Волгу, на Яикъ; умирая въ бишвѣ, цѣловалъ родную землю, привязанную въ ладанкѣ на груди его, посылалъ прощальную вѣсть женѣ, благословеніе дѣшамъ съ добрыми поварищами; возвращаясь благополучно *дуваниль дуванъ* (дѣлалъ добычу), гулялъ и не забошился о завпрашнемъ днѣ. Диша играло у него оружіемъ; Казачка его дралась съ нападавшими на городки. « *Пишешъ ты къ намъ* » — отвѣчалъ Гирею Крымскому Ашаманъ Минаевъ — « Ханъ Мурашъ Гирей: если взятое швое за Пере-

копомъ и въ иныхъ мѣстахъ не пришлемъ, и пы хочешь къ намъ посылашь зипунниковъ своихъ другъ за другомъ безпрестани и биши велишь на шридацашъ на два городка, и упокою намъ не хочешь дашь ни весною, ни лѣпомъ, ни осенью, ни зимою, а самъ пы, Ханъ Мурашь Гирей, хочешь подь наши городки идши многимъ собраніемъ, по льду, зимнимъ пушемъ, войною. И наши городки некорышны, оплешены плешнями, а обвешаны шернами, а надобно ихъ досшавашъ швердо головами, а спадъ у насъ конскихъ и живошныхъ мало: даромъ вамъ въ дальній пущъ забивашся!» — Вошь жизнь, вошь мѣтнія Казака! Нигдѣ не найдете изображенія Казачешва Донскаго лучше шого, какое было помѣщено въ *Русской Старинѣ*, Гг. Сухорукова и Корниловича (СПб. 1825 г.). Ошсылаемъ чшашелей нашихъ къ превосходнымъ картинамъ Сухорукова.

Испорія Донскихъ Казаковъ не принадлежишь къ нашему предмету. Они вольно гарцовали, пока не усшановилась полишическая жизнь Россіи. Тогда Россіи спало шѣсно, она окружила ихъ ошвсюду, и шребовала повиновенія общему порядку дѣль. Началась борьба Казацкой, дикой независимости съ полишическимъ могущешвомъ исполина. Разинь, Булавинь, Пугачевъ были спрашными, но — шщешными усиліями Казацкой свободы! При Петрѣ Великомъ Донскихъ Казаковъ счшшалось 112 спаницъ, и до 200,000 человекъ мужескаго пола.

Замѣшимъ одно: всѣ Казаки были *Рускіе*, но какіе Рускіе? Они говорили *Русскимъ языкомъ* и назывались *Христіанами*: два харакшеристшическія и

единственныя отличія, въ коихъ заключалась само-бытность древнихъ Руссовъ, и копорыя передали своимъ попомкамъ, убѣжавшіе отъ поганыхъ въ Лукоморье, переселенцы Русскихъ областей. Только эшимъ принадлежали они къ другимъ Руссамъ, имѣя начало, образованіе, бытъ, понятія о власти, преданія, поэзію свои, новыя и ошдѣльныя. Не будемъ смѣшивать ни идей, ни событій. Все сказанное нами показывается, что почиташъ Казаковъ Донскихъ *гастію древней Руси* — не должно. Только языкъ и вѣра сближали ихъ съ Россією, и наконецъ покорили Россіи. — Обращимся къ Малороссіи, и узнаемъ другое ошдѣленіе Казаковъ. Здѣсь болѣе любопытнаго, нежели на Дону, и многія отличительныя черны, хотя сущность предмета одна и шаже.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Исторія Малой Россіи (Сочиненіе Д. Н. Баншышъ-Каменскаго), 3 часни. М. 1830 г. въ ш. Селивановскаго.

(Окончаніе).

Изъ всего сказаннаго нами можемъ сообразить для Исторіи Малороссіянъ слѣдующіе, предварительные, выводы.

1-е. *Казачество* явилось ошъ историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, послѣ нашествіа Ташаръ. Его не было въ этнографическомъ быту древней Руси. Оно образовалось двумя спольшіями, съ половины XIII-го вѣка; его Исторія продолжалась до XVIII-го вѣка, слѣдственно, пять сотъ лѣтъ (XIII, XIV, XV, XVI, XVII-е спольшія) составляютъ его Исторію.

2-е. Сія Исторія дѣлится на двѣ части: до половины XV-го вѣка продолжалось первоначальное образованіе Казачества; съ половины XV-го вѣка началось систематическое образованіе его, ошъ полишки сосѣдей, болѣе сильныхъ.

3-е. Сія полишка сосѣдей возбудила спрошвленіе Казаковъ; она кончилась уничтоженіемъ политическаго ихъ бытія. Но бытіе, народное, слѣдствіе ихъ отдѣльнаго начала и пшисошъ-лѣшней самобытности, ошалося доннѣ.

4-е. Въ сей народности, видимъ только два основныя элемента древней Руси: *вѣру* и *языкъ*, но и

нѣ были измѣнены временемъ. Все оспальное не наше: физиогномія, нравы, жилища, бытъ, поэзія, одежда.

5-е. Казачество предсавляетъ намъ два главные дѣленія: средшочіе одного *низъ Дона*, средшочіе другого *низъ Днѣпра*. Ошъ перваго явилось множество подраздѣленій *Восточнаго Казачества*; ошъ втораго *народъ Малороссійскій*. Первое преимущественно можно назвашь *Донскимъ*, второе *Украинскимъ*.

Мы повѣрили сія выводы на Дону, шеперь повѣримъ на Днѣпрѣ. Предмешъ является намъ совершенно съ новой стороны. Онъ входитъ въ рядъ главныхъ событій, предсавляемыхъ Исторіею Русскаго народа и Россійскаго государствва (каковы: пришествіе Варяговъ, вліяніе Греціи на древнюю Русь, Новгородская республика, нашествіе Ташарь, образование наше Петромъ); онъ совершенно объясняетъ намъ *нынѣшнюю Малороссію*, проливаетъ новый свѣтъ на Исторію и Географію южной части Россійскаго государствва, и дѣлается въ высокой степени любопытнымъ для просвѣщеннаго наблюдателя. Все обращаетъ здѣсь его вниманіе: начало Казачества; образование онаго въ самобытное политическое шѣло; отношенія его къ сосѣдямъ, болѣе его сильнымъ; борьба его за свою самобытность; средства, употребленныя имъ для своей защиты и сосѣдами для его покоренія; наконецъ, паденіе его, и эша народность, пережившая его самобытность, народность, оставшаяся для Казака въ бытъ, языкъ, преданія и поэзіи. Каршина до-

стойна кисти великаго живописца, шакъ какъ до-
стойна ея жизнь Новгорода! Характеры, дикіе но
спильные, осьѣщаютъ картину; прелестная, благо-
словенная земля, съ бышомъ чрезвычайно оригиналь-
нымъ, соспаждаетъ основаніе оной.

Несправедливо глядя на Пшорію Украинскихъ Ка-
заковъ, намъ указывають на названіе *Кавказскихъ*
Черкесовъ, именуемыхъ шакже и *Казаками*, указы-
вають на два города: *Черкаскъ* на Дону и *Черкасы*
на Днѣпрѣ, какъ главныя, первоначальныя мѣста
Донскихъ и Украинскихъ Казаковъ. Въ началѣ XVI-го
вѣка (именно въ 1517 году), Украинскіе Казаки упо-
минаются въ первый разъ: шолпа ихъ, изъ 1200
человѣкъ, ходила шогда съ Поляками подѣ Аккерманъ.
Ошъ нихъ пошомъ, говоряшъ намъ, отдѣлились *За-
порожцы*. Но, ошъ нашествія Монголовъ до 1517
года прошло около шрехъ сошъ лѣшъ; гдѣ же бы-
ли все эшо время Казаки? Къ чему шуть *Горскіе*
Черкесы, и какое опношеніе сихъ горцевъ къ горо-
дамъ *Черкаску* и *Черкасамъ*?

«Имя *Казака*,» говоряшъ намъ, «вѣрояшно, въ
Россіи древнѣе Башыева нашествія, и принадлежа-
ло *Торкамъ* и *Берендеямъ*, кошорые обитали на бе-
регахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и пер-
вое жилище Малороссійскихъ Казаковъ. Торки и Бе-
рендеи назывались *Черкесами*; Казаки шакже.» Упо-
мянувь, чшо сосѣди донинѣ именують *Горскихъ*
Черкесовъ *Казаками*, и повшоривъ, чшо Торки и
Берендеи назывались *Черкесами*, говоряшъ далѣ,
чшо, вѣрояшно, они «назывались шакже и *Каза-
ками*; чшо нѣкошорые изъ нихъ, не хошѣвъ поко-

ришься ни *Монголамъ*, ни *Литвъ*, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, *приманили къ себѣ многихъ Россіянъ*, бѣжавшихъ ошъ угнетенія, смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Казаконъ* составили одинъ народъ, который *сдѣлался совершенно Русскимъ*, нѣмъ легче, что предки ихъ, съ X-го вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были *почти Рускими*. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, пишая духъ независимости и братства, Казаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ спранахъ Днѣпра, начали спропть селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Ташарами мѣстахъ, взялись бытъ защипниками Липовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I-го, давшаго имъ многія гражданскія вольности, вмѣстѣ съ землями выще Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ (*Ист. Г. Р. т. V., стр. 394 и слѣд.*)

Здѣсь истина яспѣется во мракѣ; но общность всего извѣстія сходна съ повѣстью, писанною на заданныя слова: *Монголы, Литва, Сигизмундъ, Черкасы, Черкесы*, и проч. — Выписавъ мнѣніе Карамзина, какъ Историка, всѣ избранныя старыя мнѣнія приведшаго въ систему, не считаемъ нужнымъ повшорять другія, еще болѣе смѣшанныя поняшія, напримѣръ, что Казаки, явьясь только въ началѣ XVI вѣка, были колонією горскихъ Черкесовъ (это мнѣніе Г-на Баншышъ-Каменскаго). Разсмаприваемъ.

I. Правда, что Казаки, Донскіе и Украинскіе,
Сентябрь 1830.

назывались и Черкасами, но Торки и Берендеи Черкасами, слѣдовательно и Казаками, не назывались (*). Черкасскъ и Черкасы являюща сь XVI вѣка. Тутъ нѣтъ никакого отношенія къ ордѣ горцевъ, именующей себя: *Адиге*, а ошь сосѣдей Турецкими именами: *Казакъ* и *Черкесъ*, ш. е. *всадникъ, воинъ, и теловѣкъ, перерѣзывающій путь* (**).

(*) Въ Прим. 412-мъ V-го тома Исп. Г. Р. Карамзинъ ссылается на 218 и 347-е примѣчанія II-го тома, какъ уже на дѣло доказанное. Что-же тамъ находимъ? Что черные клобуки въ *Воскресенскомъ спискѣ* называются и Черкасами. Но можно-ли ссылаться на эту явную вставку въ семъ спискѣ, вставку, которой нѣтъ въ другихъ? Ссылка на это-же самое мѣсто составляетъ примѣчаніе 347-е. Впрочемъ, если и допустимъ, что Черные клобуки назывались Черкесами, то изъ чего слѣдуетъ, что они назывались и Казаками? Непонятно! Между тѣмъ, на эпозъ только и держится вся гипотеза Карамзина.

(**) Если-бы Черкасскъ на Дону, и Черкасы на Днѣпрѣ были *перехваточные* припоны Казаковъ, еще былъ-бы какой нибудь поводъ къ догадкѣ. Но извѣстно, что и на Дону и на Днѣпрѣ сіи городки были поспро ны въ числѣ другихъ, позднѣйшихъ. Этимологическая догадка о родствѣ между Днѣпромъ и Кавказомъ, похожа на остроумную догадку одного изъ ученыхъ историковъ нашихъ (Вѣстникъ Европы, 1830 г. кн. XII, 303), который въ *Пятигорахъ*, Таращинскаго повѣта, отыскалъ Кавказское *Бештаи*! Малороссіянь называютъ и Черкесами, безспорно,

II. «Торки и Берендеи были почти Русскими.» Это несправедливо. Они не были Христиане, сохраняли Азіятскіе имена, говорили своимъ языкомъ, не были даже и данниками Руссовъ.

III. «Не хотѣли покориться ни Монголамъ, ни Литвѣ.» Тутъ бездѣлица: между владычествомъ этого и другаго народа прошло болѣе 100 лѣтъ!

IV. «Ниже Кіева.» — И Каневъ, и Днѣпровскіе пороги ниже Кіева, но Каневъ отъ Кіева верстахъ въ 80, а пороги въ 500 слишкомъ. Гдѣ-же «находимъ намъ первое жилище Малороссійскихъ Казаковъ?» Близъ Канева не лѣзя: шупъ кочевали спорожевые Ташары. Близъ пороговъ? Но это мѣсто никогда не бывало Русью до Ташарь.

V. Торки и Берендеи «приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, смѣшались съ ними, и подъ именемъ Казаковъ составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ.»

Но почему подъ именемъ Казаковъ, когда сами Торки и Берендеи не были Русскими, и припомъ донныя Малороссіане только исповѣдуютъ Греческую вѣру, говорящъ особеннымъ діалектомъ Русскаго языка, и принадлежать къ полншическому составу Россіи, но по народности во все не Русскіе.

но это слово Турецкаго происхожденія, составленное изъ *tcher* (путь, дорога) и *Kezmek* (перерѣзать, отрѣзать), и днѣпровскіе и донскіе Казаки могли принять его безъ всякаго родства съ Кавказомъ и съ горскими Адигами, которыхъ сосѣди называютъ также Черкесами и Казаками.

VI. Принявъ мнѣнія Карамзина, какъ объяснишь обширную систему *Казагства*, выше сего нами изложенную, и объявшаю весь Югъ Россіи? — Вошь какъ :

« Вѣроятно, что примѣръ Украинскихъ Казаковъ далъ мысль и сѣвернымъ городамъ сославипшъ подобное земское войско. Обласпъ Рязанская имѣла болѣе нужды въ шакихъ защитникахъ. Въ Испоріи увидимъ Казаковъ Ордынскихъ, Азовскихъ, Нагайскихъ и другихъ: сіе имя означало тогда *сольницу*, наѣздниковъ, удалцовъ, но не *разбойниковъ*, какъ нѣкошорые ушверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій: оно, безъ сомнѣнія, не бранное, когда *витязи мужественные, умирая за сольность, отегество и вѣру, добровольно такъ называлися* (Исп. Г. Р. ш. V, стр. 395).

Прекрасныя фразы и — рѣшишельное не понятіе исторической истины! Что за *витязи, умиравшіе за вѣру и отегество*, были Казаки, когда шакъ-же дрались они съ Ташарами, Турками, Лишвою, какъ и съ Рускими? Зачѣмъ было не справишься съ Турецкимъ лексикономъ, съ Исторією, и не увидѣшь, что слово: *Казакъ*, шочно имѣешь у Турковъ донынѣ, а прежде и у Рускихъ и Поляковъ имѣло смыслъ бранный, ибо всѣ пользовались ихъ удалшвомъ, и всѣ опказывались опъ нихъ, корились ихъ именемъ? Такъ, въ 1477 году, Іоаннь III писалъ къ Хану Зенебеку: « Когда у себя не было ни силы, ни власти, и былъ шы шолько *Казакъ*, шо просиль въ моей землѣ опдыха, когда конь швой ушрудился въ полѣ;» шакъ, нѣсколько разъ, Рускіе

жаловались на Донскихъ Казаковъ Султану, и пошь отвѣчалъ, что Казаки разбойники, а не его поданные; поже отвѣчалъ онъ и Польшѣ, напримѣръ, что опустошеніе оной въ 1516 г. сдѣлали его Ташарскіе Казаки (Крымскіе Татары); также отвѣчали всегда и Рускіе на жалобу Султана: «Эпо народъ вольный, народъ бѣглый: что хочешь, то и дѣлаешь, а насъ не слушаешь.» И возможно-ли было при состояніи Руси въ XV вѣкѣ заводить военныя колоніи, какъ могли заводить ихъ, кто завелъ Донскихъ Казаковъ и ихъ опродія, и какъ можно было дать эштѣмъ колоніямъ опличную, доннѣ неизгладившуюся народность, разлитъ духъ Казачества на тысячахъ верстѣ, проведши его черезъ вѣка, образовавъ имъ цѣлые народы?

Такъ-то прежде писывали Русскую Исторію! Фразъ, возгласовъ объ опечеснѣ поболье, а до истины дѣла нѣтъ. Квасной патріотизмъ и шупъ вмѣшивался. Тапищевъ споялъ на кольяхъ передъ величіемъ Славянъ, *огнемъ и мечемъ вписавшихъ свое имя въ летописи Грегескія*; Карамзинъ видѣлъ въ Казакахъ *Русскихъ витязей, умирившихъ за отечество и вѣру, избавившихъ Малороссію отъ власти иноплемениковъ и возвратившихъ отечеству нашему древнее достояніе онаго.* По степени прагматическихъ идей, оба писателя спояшь на одной чередѣ.

Малороссіяне, въ наспоющее время, обихаюшь въ губерніяхъ: Каменецъ-Подольской, Кіевской, Волынской, Полтавской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Евшасери-

нославской, Херсонской, Таврической, Земляхъ Донскихъ и Черниговскихъ Казаковъ. Но мы означили выше сего *собственно — Малороссію*, по сю и по ту сторону Днѣпра; всѣ Малороссіяне за чертою означеннаго выше пространства суть позднѣйшіе переселенцы. Мы упомянули о выселеніи ихъ въ Острогожскъ, Харьковъ, Изюмъ, Сумы, Ахпырку; въ Новороссійскія губерніи, и въ Землю Донскихъ Казаковъ перешли они въ XVIII-мъ и XIX столѣтіяхъ; въ Черноморье перевелъ ихъ Пашемкинъ (*).

Если вѣрнѣе испочникамъ, не весьма достовернымъ, по при учрежденіи гетманства Баторіемъ, въ 1576 году, было спроевыхъ Казаковъ Украинскихъ въ 10 полкахъ, по обомъ берегамъ Днѣпра, до 20,000; Хмельницкій передалъ Россіи въ 1654 году, въ 17 полкахъ, до 60,000 войска Казакаго, со 166-ю городами и мѣстечками; при Петрѣ Великомъ считалось, въ 10-ти только принадлежавшихъ Россіи полкахъ, грунтовыхъ, безгрунтовыхъ, посполныхъ и дворовыхъ, кромѣ стариковъ и малолѣтныхъ, 203,401 человекъ, да въ Слободскихъ полкахъ было, компанейщиковъ и помощниковъ, 23,497 человекъ. О числѣ Малороссіянъ всѣхъ вообще, въ разныя эпохи, свѣдѣній собрать невозможно; мы не знаемъ достоверно даже и того, сколько надобно полагать ихъ нынѣ. По числу-же выходявшихъ въ

(*). За Байкаломъ въ Сибири населено нѣсколько слободъ Малороссіянами. Они соблюли свой родной бытъ и языкъ, съ нѣкоторыми необходимыми по мѣстности измѣненіями.

разныя времена на службу, отъ 1576-го до 1725 года, можно видѣть, какъ увеличивалось безпрестанно количество Малороссiянъ, отъ спеченiя къ нимъ всякаго народа. Это поясняетъ, какимъ образомъ размножались они и прежде 1576 года.

Мы объяснили уже состоянiе древней Руси, происшедшiй отъ онаго, послѣ Ташарь, Казацкiй бытъ, начало и сущность его. Скажемъ здѣсь, что такъ же, какъ въ низовѣ Дона Восточные, за Днѣпровскими порогами сбѣжались и заселились, съ половины XIII столѣтiя, Западные Казаки. Какъ первые были смѣсью Рускихъ, Ташарь, горскихъ Черкесовъ, Калмыковъ, такъ вторые были смѣсью Рускихъ, Половцевъ, Торковъ, Берендеевъ, Молдаванъ, Поляковъ и Липовцевъ. *Запорожцы* были первымъ началомъ Украинскихъ Казаковъ. *Стѣга* ихъ, переходившая по Днѣпру, бывшая нѣкогда, прошивъ нынѣшняго Александровска, на Хоршницкомъ островѣ (столь славномъ пушешествiями Варяговъ), пономъ на углу, образуемомъ впаденiемъ въ Днѣпръ Бузулука, со множествомъ другихъ рѣчекъ, была первымъ Казацкимъ пришономъ на Днѣпрѣ. Они приняли Русскiй языкъ и сохранили вѣру Христiянскую потому, что Рускiе, убѣжавшiе отъ Ташарь за Днѣпровскiе пороги, разумѣется, были выше своихъ иноплеменныхъ товарищей образованiемъ, и вѣру хранили, какъ залогъ ненависти къ бусурманамъ-гонимельямъ. Иноплеменные товарищи должны были слѣдовать ихъ примѣру.

Повторяемъ-ли то, что мы говорили уже о бытѣ Донскихъ Казаковъ и прелести сего быта, для лю-

дей, спасшихся отъ рабства Татарскаго? — Лучше обратимъ чашаелей къ Миллерову описанію Запорожцевъ, составленному со словъ очевидца за 70 лѣтъ, въ половинѣ XVIII-го вѣка. Съча была въ это время куча домовъ и землянокъ, окруженная землянымъ валомъ. Въ ней все было общее. «Начинается новый годъ; надобно, добрые молодцы, жеребій мешать: какому куреню какою рыбною ловлею владѣть; да, что, паны молодцы, не хотише-ли новаго начальника избрать?» Такъ спрашивалъ Ашаманъ Запорожцевъ при началѣ года. «Нѣтъ! отвѣчали ему» — ты хорошъ, пануй еще годъ, а жеребьи кинемъ.» — Въ прошивномъ случаѣ, Ашаманъ скидалъ шапку, клалъ на нее ашаманскую палицу свою, и кланялся народу, говоря: «Теперь я вашъ брашь, простой Казакъ!» Народъ собирался, гулялъ, выбиралъ новаго Ашамана, щащилъ его на совѣтъ; послѣ вопроса: «Всѣ-ли согласны?» отдавали ему палицу, сыпали на голову земли, и кланялись ему, какъ начальнику. Убийцу Казака бросали живаго въ могилу, спавили на него гробъ съ шѣломъ убиеннаго, и засыпали землею. *Саламата и тетеря* (уха съ сарачинскимъ пшеномъ) составляли весь обѣдъ Казака. Наши старики помнятъ еще, какъ Запорожець, желая погулять на ярмаркѣ, нанималъ пѣвчихъ, ходилъ съ ними по рядамъ, поилъ кого попало, бросалъ на драку деньги, и въ заключеніе, въ богашомъ красномъ своемъ платьѣ, садился въ полубочѣ съ дегшемъ, въ знакъ презрѣнія къ богашству, а потомъ, надѣвъ старый свой кожухъ, весело уѣзжалъ домой. Кто изъ насъ не читалъ прелесныхъ стиховъ Вольфа на смерть

Мура : Not a drum was heard, nor a funeral note (Не бить барабанъ передъ смутнымъ полкомъ)? Въ Думахъ Украйны найдете описаніе похоронъ Казака, спольже дикое, и еще болѣе поэтическое. Конь Казака прибѣжалъ въ шабунъ, ходишь по куренямъ, острыми копытами копаешь землю, и смутнымъ ржаніемъ вызываешь своего всадника. Товарищи предчувствуютъ гибель собрата, скачутъ въ степь, отбивающъ его шѣло у Ташаръ, копающъ суходоль саблями и надпками, выбрасываютъ землю, шапками и полами насыпаютъ курганъ надъ шѣломъ, гремятъ въ семипядныя пищали, жалобно наигрываютъ пѣсню и выхваляютъ Казацкую славу. «Такъ,» говоритъ Дума, «шакъ! Молодецкая, Казацкая голова легла, какъ права на сшепи отъ вѣтра, но не умреть и не ляжеть слава, и всякому расскажешь о Казацкомъ удалствѣ!»

Предѣлы сей статьи не позволяютъ намъ изложить, хотя опчассти, дѣла и удалство Казаковъ Украинскихъ. Они соединялись иногда съ Донскими Казаками, и безъ нихъ ходили на степныхъ коняхъ своихъ противъ Ташаръ, Литвы, Рускихъ, Поляковъ, Турковъ, Молдаванъ; въ легкихъ, въ нѣскольکو дней построенныхъ лодкахъ, по Днѣпру выплывали въ Черное море, и достигали съ мечемъ и огнемъ даже южныхъ береговъ Азіи. На Днѣпрѣ были тѣже переходы быша гражданскаго, какіе были на Дону. Сперва мысль только о сохраненіи себя и защитѣ, потомъ о мщеніи; наконецъ образовался бытъ Казацкій, вольный, удалый, ни отъ кого независимый, и такъ протекло время до половины XV-го столѣтія. Обозримъ ходъ политическихъ со-

бышій у Казацкихъ сосѣдовъ, и географическую Исторію Казаковъ Украинскихъ.

До Татаръ, Русь, если можно шакъ выразишься, только *огеловѣгла* земли сѣверо-восточной Европы; послѣ столѣтняго отдыха илп, когда угодно, оцѣпенѣнія, началась жизнь *Россіи-собственно*, началась далеко отъ шѣхъ мѣстъ, гдѣ было зачало древняго періода Русской Исторіи, ш. е. Новгорода и Кіева, и именно въ самой срединѣ между ними, въ Москвѣ, отъ которой въ равномъ разстояніи, кругомъ, спали Тверь, Ярославль, Владимірь, Рязань, Калуга, Тула (всѣ въ 160—180 верстахъ). Жизнь *Россіи* на югѣ еще весьма нова. Съ XII вѣка настоящая, илп, говоря по Новгородски, *просто-Русская* земля, называлась уже *Украиною* (*). Узлы полиптики и собышій завязывались на сѣверѣ. На югѣ доживали только прежнюю *жизнь Руси*. Мы сказали, что *жизнь Россіи* на югѣ весьма нова. Взгляните на карту, составленную при Борисѣ Годуновѣ (**): отъ Саратова до Чернигова протянута засѣлка пограничная; Пенза, Донковъ, Елецъ, Осколь, Орель, сиюяціе за нею, суть форпоссы, а не города. Только съ 1509 года Черниговъ, а съ

(*) Если только вѣрять Кіевской лѣтописи, которая въ первый разъ приводитъ это названіе въ 1187-мъ году.

(**) Она была выгравирована уже въ 1614 году Герардомъ, и поднесена Михаилу Ѳедоровичу. Благодаря любознательности почтеннаго Г-на Деріарда, вѣрный снимокъ съ оной изданъ недавно при Депю Каршѣ.

1655 года Кіевъ сдѣлался опять наши; о приобрѣщеніи Волыни и говоримъ нечего: этому всего прошло тридцать шесть лѣтъ.

Послѣ шого, какъ Монголы окончили древнюю Исторію южной Руси, шуть явились сначала два дѣйствователя: сами Монголы, или Татары, и Литва. Двигаясь изъ сѣвера Бѣлоруссіи, Литва вскорѣ перемогла Татаръ на Днѣпрѣ. Татары очистили для себя степи, проспиравшіяся между Днѣпромъ и Дономъ, и южную Русь, по сию сторону Днѣпра (Черниговъ, Курскъ), положили степью. Литва, завладѣвъ Кіевомъ и правымъ берегомъ Днѣпра, чѣмъ владѣла прежде Русь, смела Монголовъ съ лица Днѣпровскихъ степей. Соеднися съ Польшею въ 1385 году, Литва сохраняла однакожъ временную самобытную жизнь почти до половины XVI столѣтія. Тогда Польша сдѣлалась рѣшительно обладательницею праваго Приднѣпрья. Сто лѣтъ прежде, съ юга надвинулся дѣйствователь новый, Оттоманская Имперія, завладѣвъ Азовскимъ моремъ съ 1471 года, усвоивъ себѣ одну изъ сильныхъ вѣтвей распавшагося Башыева царства, орду Крымскую, начавшуюся съ половины XV-го вѣка. Изъ сѣвера Москва, также съ половины XV-го вѣка, начала дѣйствовать.

Слѣдственно: Казацкій Днѣпровскій таборъ, до половины XV-го вѣка, былъ угрожаемъ съ сѣвера и востока, сначала Монголами, потомъ Литвою и Монголами, имѣя открытый путь на югъ и западъ; съ половины XV вѣка, его облегли съ юга и запада Крымцы и Турки, съ сѣвера Литва и Польша, но открытый путь явился ему на сѣверъ къ Литвѣ

по Днѣпру, и на востокъ отъ Днѣпра, гдѣ спалкивался онъ съ Московією.

Точно и вѣрно, въ слѣдствіе сего историческо-географическаго обзора, является Историческая Географія Украинскихъ Казаковъ.

Изъ умноженія Казаковъ съ 1576-го до 1725 года, мы понимаемъ, какъ изъ перваго зародыша, начавшагося послѣ нашествія Татаръ, явились многочисленныя шолпы ихъ, и изъ одной Сѣчи размножились городки ихъ по Днѣпру. Такъ въ послѣдствіи вокругъ Сѣчи Запорожской было 38 куреней. Остлая жизнь вела къ оставленію холостой жизни; пѣлницы дѣлались женами Казаковъ. Въ позднѣйшія времена, въ Сѣчи могъ участвовать женатый Казакъ, но жены своей не могъ онъ вводить въ Сѣчу, и долженъ былъ оставлять ее въ своемъ хуторѣ, когда приѣзжалъ въ Сѣчу. Хуторы соединялись, являлось отдѣленіе женатыхъ отъ холостыхъ, Казаковъ Украинскихъ отъ Запорожцевъ—собственно. Казаки двигались къ северу, основывали новые города, на старыхъ пепелищахъ и на новыхъ мѣстахъ; Запорожцы осаживались на одномъ спаромъ мѣстѣ. Хотя Казаки равно дрались съ Литовцами, Татарами и Рускими, искали только добычи, ничего не знали, кромѣ набѣговъ, но Литовцы, правильно владѣя Кіевомъ и Черниговомъ, легче успѣвали обуздывать ихъ, легче мириться, воевать съ ними, посылать ихъ по своему желанію, и, будучи Христіане, возбуждали менѣе непріязнь ихъ, нежели бусурмане; сражаясь притомъ съ бусурманами, употребляя языкъ Славянскій, они снискивали даже дружбу и

уваженіе Казаковъ. Неустройство, пустоша обоихъ береговъ Днѣпра, до самаго Кіева, свобода, которую Литовцы давали Казакамъ селиться, гдѣ угодно, сами держась только за Воынь, Кіевъ и Черниговъ, сближали городки Казаковъ съ ними. При первомъ извѣстномъ намъ предводителѣ Казаковъ Дашковичѣ (1504 — 1535 годы), имъ даже подарили Каневъ, Чигиринъ, Паволочъ, за Днѣпромъ. Что началъ Сигизмундъ I (1506 — 1548 годы), то привелъ въ систематическій порядокъ Стефанъ Баторій (1574—1586). Тогда совершенно уже удалены были Украинскіе Казаки отъ своихъ товарищей Запорожцевъ, особо жившихъ и соблюдавшихъ свой прежній бытъ, хотя и повиновавшихся начальнику Украинскихъ Казаковъ. Казаки Украинскіе уже ознакомились тогда съ удобствами гражданской жизни; они уже раздѣлены были на десять полковъ, и по лѣвую сторону Днѣпра владѣли Полшавою, Миргородомъ, Переяславлемъ. Баторій поставилъ для нихъ городъ Батуринь; предводитель Казаковъ, Богданъ Рожинскій, принялъ отъ него шишулъ Гетмана, далъ слово на повиновеніе, получилъ дипломы, клейноды, устанавилъ чины. Явились *рыцари, шляхтиги*, духовная власшь: аристокрація гражданская и духовная. Казаки радовались, гордились шѣмъ, что и они спали въ рядѣ государствъ, но не понимали, что этимъ самымъ ихъ бытіе уже кончено. Польша, сдѣлавъ ихъ гражданами, еще нѣсколько времени давала имъ свободу дѣлать, что угодно, но рука ея опушала уже мечъ Казацкій цѣпями.

Подвиги Рожинскаго, Шаха, Скалозуба, Свирговскаго, Косинскаго, Наливайки, Сагайдачнаго были

еще производимы въ старомъ духѣ Казаковъ : подъ Синопомъ , Трапезунтомъ , Москвою , въ Крыму , въ Молдавіи , гремѣла сабля свободнаго Казака , по волѣ его и безъ спроса съ другими . Но — уже опъ ихъ требовали опчеша , уже ихъ наказывалъ за ослушаніе , уже исчезала довѣренность ихъ къ Полякамъ : одна сила Польши была еще ими уважаема . Польскія крѣпости разсѣивались по областямъ Казацкимъ ; Жиды проникали всюду и обременяли Казаковъ собою . Шахъ и Сагайдачный умерли въ монастырѣ , Наливайко безчеловѣчно казненъ въ Варшавѣ . Задолго до сихъ событій , Запорожцы явно рѣзались уже съ Поляками . Но Казаки Украинскіе не имѣли средствъ подражать имъ , ослабленные аристократіею , городскою жизнью , правами городовъ , законамъ , что отнимало у нихъ способы быть прежними удалыми Казаками . Началась просто борьба гражданскаго общества съ другимъ гражданскимъ обществомъ , и , разумѣется , долженъ былъ пастъ слабѣйшій .

Еслибы Польша сама не была колеблема въ основаніи избирательнымъ правленіемъ , аристократіею и вліяніемъ Католицизма , она успѣла-бы покорить Казаковъ оовершенно , не смотря на опчаянную ихъ борьбу и хитрую полишику Россіи , которая видѣла свою пользу , разжигала раздоры и смуты , и выигрывала во всякомъ случаѣ . Польша покорила-бы Казаковъ , не смотря даже на все это , но то , опъ чего спала Московская корона съ головы Владислава , изпоргло изъ рукъ Польши и Малороссію .

Папа думалъ , что находишь необыкновенную подпору въ полишическо-духовномъ ордентѣ Іезуитовъ .

Быстро распространились они въ Польшѣ, и овладѣли умомъ Сигизмунда. Все приведено было ими въ движеніе, и несчастная мысль побѣды Католическаго владыки заняла душу Короля и его совѣтниковъ. Какъ не видадь близорукій потомокъ Густава Вазы несчастныхъ слѣдствій безразсуднаго усердія къ Католицизму въ дѣлахъ отца своего! Едва удержавшись на престолѣ отцовскомъ, Сигизмундъ утвердилъ постановленія Кіевскаго собора (1595 г.). Явилась знаменитая *Унія* — соединеніе церкви Западной и Восточной. Жестокіе споры загорѣлись въ Церкви и Обществѣ. Обладая Швеціею, Польшею, счастливымъ случаемъ возводя сына своего на престолъ Московскій, Сигизмундъ вездѣ хотѣлъ *одного* — покорности Папѣ, и все потерялъ отъ этого одного. Никепингскій сеймъ, 1604 года, лишилъ его Швеціи, и охранилъ Лютеранскую вѣру; мечъ Пожарскаго отбилъ у него Россію, и защитилъ Греческую вѣру. Оставались Казаки. Бичемъ и мечемъ хотѣли присоединить ихъ къ Уніи, то есть покорить Папской міарѣ. Все другое терпѣли Казаки, только не это: полилась кровь; напрасно губили Казаковъ. Отчаянная борьба ихъ продолжалась болѣе полулѣтка. Они падали подъ бременемъ борьбы. Ни умъ, ни мечъ Хмельницкаго не могли уже спасать ихъ. Казаки отдались Россіи; Польша навсегда ихъ потеряла.

Крашкій очеркъ нашъ, и поверхностное указаніе на предметы, входящіе въ Исторію Украинскихъ Казаковъ, могутъ, кажется, подтвердить сказанное нами выше, что подъ рукою живописца искуснаго, Малороссія представитъ картину самую за-

нимательную, самую живописную. Никакая Швейцарская, никакая Нидерландская революція не покажетъ намъ явленій, столь дикихъ, столь прекрасныхъ! Изобразише намъ конецъ Исторіи древней Руси; дикихъ вонновъ Чингисъ-Хана, разбившихъ свои вежи подъ сѣтнами древнихъ храмовъ Кіева; сборище опчаянныхъ бѣглецовъ, на островахъ и берегахъ Днѣпра, среди болошь, обросшихъ непроходимымъ тростникомъ, среди крутыхъ, бурьянистыхъ яровъ, и волнующихся ковылемъ степей; бѣшеную храбросць сего сборища, отважные поиски, въ конѣхъ на землѣ и на морѣ полетъ пшиць, направленіе вѣтра и шесченіе звѣздъ руководили его; явленіе на Днѣпрѣ воиновъ Ольгерда и Вишовша, въ ихъ волчьихъ шапкахъ и медвѣжьихъ плащахъ, съ кочанами стрѣлъ и огромными пушками; постепенное сблженіе Казаковъ съ Липовцами, Поляками и гражданственностью, заселенія ихъ по обѣ спороны Днѣпра; новыхъ враговъ Казацкихъ, Крымцевъ; отдѣленіе Запорожцевъ, образованіе Украинскихъ Казаковъ; ихъ предводителей, отъ Дашковича до Хмельницкаго; странное, ученое образованіе Кіевскаго духовенства, подъ владѣніемъ Липвы и Польши; что-то рыцарское и ученое въ Малороссійской аристократіи, что-то дикое, Липовско-Азіяшское, въ простомъ народѣ Малороссіи; эту пеструю смѣсь Азіи и Европы, кочевой и осѣдой жизни, покорности и независимости, швердосши и слабосши, и, наконецъ, взаимныхъ отношеній, взаимной полишки, въ одно время, Польши, Липвы, Турціи, Крыма. Конечно, не предмешъ будешъ виновашъ, если вашъ разсказъ не увлечешъ душъ и умовъ!

Но не должно обольщаться ложною мыслью, воображая себя предметы не тѣмъ, что они въ самомъ дѣлѣ были. Ни Швейцаровъ, времени Вильгельма Теля, ни Малороссіяны, времени Наливайки и Хмельницкаго, не должно представлять себя людьми, похожими на жишелей Парижа, которые, съ трехъ-двѣшнюю кокардою на шляпахъ, брали Бастилію въ 1789-мъ и Лувръ въ 1830 году, ни даже воинами Вашингтона, умиравшими за гражданскую свободу на Бюренъ-Гильскомъ полѣ. Шиллеръ, заставивъ своего Макса Пикколомини, своего Позу, говорить такъ, какъ говорили юные братья Тугендъ-бундовъ Германскихъ XVIII-го вѣка, ошибся, и обезобразилъ свои прекрасныя созданія. Только въ Вильгельмъ Тель, онъ понялъ наконецъ истину событій, и поэзію сей истины. Тель, убившій Гейслера, провозгласившій свободу Швейцаріи, и съ ужасомъ отступающій отъ Іоанна Цареубійцы — вошь, гдѣ мы удивляемся поэту, и вошь, что долженъ понять и Историкъ Малороссіи, и Поэтъ, который захотѣлъ-бы изобразить Казаковъ, ихъ Наливайку, ихъ Сагайдачнаго, ихъ Хмельницкаго. И не обезобразивая истины, они найдутъ въ мѣстныхъ, народныхъ чертахъ — величайшее богатство; поэзія истинныхъ событій нестощима, и никогда ложные вымыслы не сравнятся съ нею!

Все было подтверждено и обѣщано Хмельницкому и Казакамъ, когда послы Московскіе объявили, 8 Января, 1654 г. въ Переяславѣ, что Царь Россіи, «вступаясь за православную христіанскую вѣру, гонимую Королемъ Яномъ Казимиромъ, велѣлъ «принять подъ свою высокую руку Гетмана Бог-

Сентябрь 1830.

« дана Хмельницкаго , и все войско Запорожское , съ « городами и землями . » — Въ самый день присяги , когда Хмельницкій потребовалъ предварительно ошъ пословъ Царскихъ присяги въ томъ , что Россія « не нарушитъ ихъ вольностей , и даруешь имъ « на ихъ маешности граматы , » Казаки поняли будущую участь свою изъ отвѣста пословъ . Послы вознегодовали , говорили , что требованіе Гешмана оскорбляешь величіе Царя Россіи . Обрядъ разстроился . Хмельницкій возражалъ , что онъ даетъ вѣру неизмѣнности Царскаго слова , но *Казаки не вѣрятъ* . « Вспомни-же , » ошвѣчали ему Царскіе послы , « что « по вашему только челобитью , Государь Царь изволишь принимать васъ подъ свою высокую руку , « что вамъ надобно помнишь сію милость Великаго « Государя , слѣдуешь служишь ему и всякаго добраго желать , войско Запорожское къ вѣрѣ привести , а незнающихъ людей ошъ неприсшойныхъ « рѣчей унимаешь . » Хмельницкій и полковники его заплакали , и — присягнули . Сопровоженіе Митрополита , Сильвестра Коссова , человекъ ученаго , но Казака душею , еще болѣе было достопамятно . . . .

Здѣсь опять замѣтимъ , что если Поэзія и даетъ краски свои Исторіи , то она не должна быть душею Исторіи . Кто захочетъ осуждать политику Польши и Россіи въ отношеніи Казаковъ , тотъ не Историкъ . Для Историка такія отношенія не существуютъ ; народы суть орудія Провидѣнія , люди буквы , коими пишеть оно лѣтопись , которой ни начала , ни конца мы не видимъ . Исторія Казаковъ обольщаетъ наше воображеніе , но не только въ

лаборѣ ихъ долженъ повѣствовать Историкъ, но и въ Кремлевскомъ Дворцѣ Алексія, и въ Карповскомъ домикѣ Петра, чтобы изобразить событія безпристрастно. Жизнь Казацкаго общества, явившаяся сама собою ошь обстоятельство XIII вѣка, должна была исчезнуть ошь обстоятельство XVII-го столѣтія; Казаки не могли уже существовать, когда рука Провидѣнія лицомъ къ лицу спавила Швецію, Польшу, Турцію, Россію, возвеличивала надъ жребіемъ другихъ судьбу Россіи, и готовила въ ней представительницу Востока противъ Запада Европы. Въ семь случаевъ Казаки — только эпизодъ, блестящій и прогашельный; ихъ время *было*, и *прошло*, когда они сами не были уже необходимостью.

Но, смотря съ высшей, философской точки зрѣнія на судьбу Казаковъ, тѣмъ не менѣ дѣписатель ихъ можеть начерпать яркими красками оспальную Исторію Малороссіи съ 1654-го до 1764 года. Событія послѣ Хмельницкаго; судьба сына его; Дорошенко, Брюховецкій; отпаденіе Заднѣпрскихъ Казаковъ отъ Россіи; таинственный спарецъ Мазепа, безсмертный, божественный Пепръ, и Карлъ XII, хотѣвшій бышь тѣмъ-же для Европы въ началѣ XVIII-го столѣтія, чѣмъ былъ прадѣдъ его Густавъ Адольфъ въ началѣ XVII вѣка, Карлъ, дерзнувшій—

вести борьбу

съ самодержавнымъ великаномъ;

толпа другихъ лицъ, даже эшотъ Павелъ Полуботокъ, посѣщенный Петромъ Великимъ въ шемницѣ, и сказавшій ему передъ смертью: « *Вскорѣ Петръ*

и Павелъ станутъ на одной доскѣ передъ тѣмъ, который разсудитъ дѣла ихъ;» даже Разумовскій, не хотѣвшій пить на придворномъ обѣдѣ за здоровье *тестныхъ людей*, боясь, что морь будетъ, и согрѣвавшій въ душѣ шайную мысль о судьбѣ Малороссіи; самые Запорожцы, рѣзавшіеся съ Меншиковымъ, ведомые Пoшeмкинымъ въ Черноморье, и симъ переходомъ изгладившіе рѣшительно память Казачества на берегахъ Днѣпра — все это богатые матеріалы для шворенія изящнаго и вслѣдствіе того! — Не думаемъ, чтобы Малороссійскіе урожденцы, дѣйствовавшіе уже подъ именемъ Русскихъ, могли входить въ Исторію Малороссіи. Св. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Безбородко, и множество другихъ замѣчательныхъ лицъ были Малороссіяне, но въ нихъ не существовала Малороссія.

Если, послѣ всего, здѣсь изложеннаго, спросяшь: замѣняетъ-ли *Исторія Малой Россіи*, сочиненная Г-мъ Баншышъ-Каменскимъ, предполагаемую нами Исторію Малороссіи? — мы, къ сожалѣнію, будемъ отвѣчать — *нѣтъ*. Малороссія ждетъ своего Историка и послѣ труда Г-на Баншышъ-Каменскаго.

Трудъ сего почтеннаго Писателя достоинъ величайшей благодарности, за то, что въ немъ, въ первый разъ увидѣли мы обильные матеріалы нашихъ государственныхъ архивъ, касательно Малороссіи (дополъ, почти безвѣстные), увидѣли большое собраніе фактовъ, извлеченное изъ Малороссійскихъ лѣтописей и Польскихъ писателей. Все это важно, доспашочная заслуга для полученія нашей призна-

шельности. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣло можете поставить въ заглавіи книги Г-на Банпышь-Каменскаго, вмѣсто : *Исторія Малой Россіи*, слова : *Собраніе историческихъ извѣстій касательно Малороссіи*.

Книга Г-на Банпышь-Каменскаго , въ самомъ дѣлѣ , есть ничто иное , какъ расположенное по годамъ исчисленіе событій , если угодно, *лѣтопись* — не болѣе ; въ этомъ отношеніи , она удовлетворяетъ во многомъ , *хотя и не во всемъ*.

Не щите въ ней ни правильнаго понятія о составленіи и развитіи Казачества ; ни прагматическаго изложенія событій въ печеніе 5-ши вѣковъ ; ни Историческаго взгляда на разнообразныя споры столь многоразличныхъ происшествій , отъ нашествія Татаръ до подданства Рожинскаго Польшѣ , и отъ Сигизмунда III-го до Екатерины. Лица, событія являющіяся , исчезаютъ ; чтеніе утомительно , какъ чтеніе сухой лѣтописи. Нѣтъ ни характеристикъ мѣстъ , ни очерковъ природы ихъ , нѣтъ портретовъ , нѣтъ живописи. Заключивъ въ 45-ти главахъ Исторію Малороссіи , 46-ю, послѣднюю главу , Авторъ посвящаетъ характеристикѣ Малороссіи и Малороссіянъ , Географіи и Статистикѣ Украйны , прежней и настоящей. Все это заняло — 32 страницы , не болѣе , и шутъ что-же находимъ ? Разказы о Колядкахъ , Русалкахъ , одеждѣ Малороссіянъ , исчисленіе (уже повторенное Рубаномъ , Успенскимъ , Щекашовымъ) о чинахъ Малороссійскихъ при Гетманахъ , о правахъ , дарованныхъ имъ нѣкогда Польшею , описаніе Кіева и Чернигова. Нѣтъ ! не

этого, но характеристики Малороссіи и Малороссіянъ пребудемъ мы отъ Авшора, а она заняла у него изъ 30-ти *едва-ли пять страницъ*, и тушь является совсѣмъ невѣрная. Подумаете, чиншая оную, что Малороссія отличается отъ Московской губерніи, не болѣе какъ Ярославская, или Владимірская какаѣ нибудь губерніи.

Или Авшоръ самъ не видалъ Малороссіи, или видѣвъ ее, не хотѣлъ узнать различія въ характерѣ, образѣ жизни, мнѣніяхъ, повѣрчяхъ, одеждѣ, языкѣ Малороссіянъ и Рускихъ. Сожалѣемъ, что предѣлы спашьи нашей, и недоспашокъ на мѣстѣ собранныхъ замѣчаній, не позволяющъ намъ войдши здѣсь въ дальнѣйшія подробности.

Мнѣ удалось проѣхать черезъ Малороссію только отъ границъ Курской губерніи къ берегамъ Азовскаго моря, и на западъ отъ Харькова до Сумъ, также видѣвъ Малороссіянъ въ Курской и Воронежской губерніяхъ. Такимъ образомъ, только мимоѣздомъ можно мнѣ было узнать часть Малороссіи, и надобно было дополнять понятія мои объ оной изъ рассказовъ другихъ.

Подъ свѣшлымъ, прекраснымъ небомъ разоспались безконечныя степи Украйны, о кошорой еще предки наши писали: «Въ той Украйнѣ небо вельми шихо естъ, и лихаго повѣтрія тамъ не слыхашъ не видашь.» Намъ, привыкшимъ смотрѣшь на мрачныя наши лѣса, пасмурное небо, пески и болоша Сѣвера, не лѣзя вообразить себѣ полей, движущихся подъ нескончаемыми волнами хлѣба, бахчей, устьяннхъ овощами, долинь, гдѣ шелешся снѣго-

видный ковыль, пажитей, гдѣ густыя сѣнокосы закрываютъ воды рѣчекъ и ручейковъ. Никогда житель Сѣвера не вообразитъ себѣ зрѣлища, представляемаго, на примѣръ, теченіемъ Псла, скрытаго въ зелени береговъ. Дома нашихъ Русскихъ поселянъ не дадутъ никакъ понятія о *хатахъ* Малороссіянъ, складенныхъ изъ крилыхъ деревъ, обмазанныхъ глиною и выбѣленныхъ, гдѣ полъ замѣненъ крѣпко убитою землею. Нашъ неопрышный мужикъ средней полосы Россіи, съ огромными скулами напоминающими владычество Татаръ, и сѣверный нашъ крестьянинъ, чистая Славянская кровь, съ свѣтлыми, голубыми глазами и русыми волосами, истинный сынъ сѣговъ, свободный, гостеприимный, ласковый, совсѣмъ отличный отъ эшихъ, какъ говорятъ Французы, *бпрельѣфныхъ лицъ* (*personnages des bas-relief*), которыхъ видите въ Малороссіи. Мужчина, въ своей бѣлой *свитѣ*, въ сапогахъ, или въ *верзунахъ*, напоминающихъ Скиѳа, съ *видлагою* на спинѣ; женщина въ бѣлой рубашкѣ, съ Шотландскою *плахтою* по поясу; полудикій погонщикъ, которій, въ дегшяной рубашкѣ, лѣнливо пересступаетъ, гонитъ воловъ и беспечно куритъ *люльку* — вотъ Малороссіяне! Въ угрюмомъ, важномъ лицѣ мужчины, въ его высокомъ ростѣ, подбритой головѣ, длинныхъ усахъ, скрытой дѣятельности души, угрюмомъ взорѣ, опривистыхъ словахъ — вы открываете древняго Русса, смѣшаннаго съ дикимъ Азіяцемъ, Половцемъ, Черкесомъ, Чернымъ Клобукомъ. Одежда показываетъ вамъ въ тоже время три вѣка власши Липовца и Поляка. Малороссіянинъ шпатель, молчаливъ, не словоохотенъ, не кланяется,

подобно Русскому крестьянину, не общается много; но онъ хитръ, уменъ, дорожишь словомъ и держишь его. Какъ Рускій весь для настоящаго, такъ Малороссіянинъ есть человекъ прошедшаго времени. Хотите-ли его ласки, его дружбы: не испугайте его излишнею навязчивостію — онъ недоверчивъ; подльстите его Казачеству — онъ гордъ бывалымъ; вспомните съ нимъ о быломъ, подивитесь его предкамъ. . . . лице его оживаетъ, движется, сердце бьется сильнѣе; онъ раздѣлитъ съ вами бесѣду, допуститъ васъ въ свое веселье, и тогда вы услышите его поэтическую думу, его степную пѣсню, удивитесь особенной веселости его *горлицы, мятелицы, журавля, шуме и гуде.*

Народная поэзія Русскихъ вся въ настоящемъ, вся въ окружающемъ ихъ быту. Царевъ кабакъ, красная дѣвица, забошы любви грубой, ревности прощонародной, сравненія съ березою, сосною, съ голубкою, съ ушницею — таковы нынѣшнія наши пѣсни, къ коимъ не должно причислять старыхъ балладъ, разбойническихъ и солдатскихъ пѣсень. Пѣсня Малороссіянь вся въ прошедшемъ. Какъ хорошо понималъ Мицкевичъ народную пѣсню, говоря, что она «радуга соединенія прошедшаго съ настоящимъ,» что ей «передаетъ народъ провецъ предковъ, цѣль воспоминаній и цвѣтъ чувства!»

Sluchalem piosnek — nieraz kmieć stoletni,
 Trącając kości żelazem oraczém,
 Stał, i zagrał na wierzbowej fletni
 Pacierz umarłych; lub rymownym płaczem

Was głosił, wielcy ojcowie — bezdzietni.
 Echa mu wtórzą, ja stuchalem zdala,
 Tym mocniej widok i piosnka rozżala :
 Żem był jedynym widzem i słuchaczem...

Въ Малороссійскихъ Пѣсняхъ, изданныхъ Г-мъ Максимовичемъ, найдутъ читатели примѣры пѣсень Малороссійскихъ всѣхъ родовъ : пѣсень *Казацкихъ*, о томъ, « какъ вѣчной памяти бывало въ Гешманщи — « нѣ нѣкогда. » Эпъ пѣсни несравненны, это дикая Поэзія степей, живущая воспоминаніями, и забывающая, что для нея все давно пролетѣло и исчезло ! То видишь покрытое туманомъ поле, слышите шумъ въ дубравѣ : мать гонитъ сына на бой, сестры ведутъ коня, спрашиваютъ брата, когда онъ воротится : « Возьми желшаго песку, » отвѣчаетъ Казакъ, « посыи его на камнѣ, поливай его по зрямъ слезами ; когда взойдетъ песокъ, тогда я приѣду ! » — То гудишь вѣтеръ, шумишь права, Казакъ, убишый, лежишь въ степи, голова его пала въ кустъ, осока закрываетъ ему очи, орель клюетъ его тѣло, конь его стоишь въ головахъ. « Будь братомъ мнѣ, спый орель, » говоришь Казакъ. « Когда ты спанешъ выдирашь изъ лба моего очи, передай вѣсть старой моей матери ; скажи, что я служилъ у Пана Хана, Крымскаго добродѣя, и вошь что выслужилъ — могилу ! » — Таковы пѣсни Араба, Клефша, дикія, спранныя, живыми образами говорящія ! Особый родъ пѣсень называется въ Малороссіи *женскими* : ихъ мало поюшь мужчны. Здѣсь слышна только тихая печаль о разлукѣ, пѣсня Ярославны вторится въ тысячѣ образовъ, видѣнь ужасъ

набѣговъ и хищеній вражескихъ, пришѣненіе Украинны и Казаковъ : это слезы Казачекъ , замерзнувшія ошъ сѣвернаго холода... Многіе голоса Малороссійскихъ пѣсенъ прелесны. Вообще Поэзія народная есть спихія Малороссіянь : лучшіе придворные пѣвчіе выбираютъ изъ нихъ. — Донинѣ сохранились еще въ Малороссіи старинныя шрубадурь , большею частію слѣпцы. Играя на кобзахъ , они ходятъ изъ села въ село ; приходъ ихъ есть шоржество селенія. Вечеромъ собирается шолпа народа ; на высокомъ мѣстѣ въ хатѣ садится пѣвецъ. Все безмолвствуешь ; онъ поешъ думы о Мазепѣ , о Хмельницкомъ , о Наливайкѣ и Палѣ. Часто слезы текутъ по загорѣлымъ лицамъ и длиннымъ усамъ слушателей , когда онъ восклицаетъ въ пѣснѣ : «Давно было и прошло! Не згадашь намъ *Хмельниценка*; воевали мы , и не будемъ уже болѣе воевать , хошя и повѣкъ не забудемъ шой доли , и шого счастья! И шеперь еще Казацкое сердце не боится Турковъ , но сабли наши заржавѣли , и у ружей нѣтъ курковъ.» Такова другая прелесная дума о Хмельницкомъ : «*Зъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе , повѣває* (вѣешь , вѣешь , повѣваетъ шихій вѣтръ съ Днѣпровскихъ водъ)!» Десять думъ Украинскихъ бандуристовъ изданы были Княземъ Цершелевымъ (*Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* , СПб. 1819 г.). Пѣсня : *Ой бѣда , бѣда гайце небозѣ* , которую сочинилъ Хмельницкій (по мнѣнію Князя Цершелева) или послѣдній Запорожскій Ашаманъ , Калнашъ (по мнѣнію Г-на Баншышъ-Каменскаго) была нѣкогда строго запрещена ; она слишкомъ шевелила сердца Малороссіянь.

Скажем мимоходомъ о Малороссійскомъ языкѣ, что его неправильно почитаютъ испорченнымъ Русско-Польскимъ нарѣчіемъ. Это древній Славяно-Рускій народный языкъ, которымъ говорили въ Кіевѣ и Южной Руси. Онъ принадлежишь къ Славянскому народному, Восточнаго отдѣла (отъ коего произшеть нынѣшній Русскій) точно такъ-же, какъ Испанскій къ Лапинскому. Видно, что онъ утратилъ множество древнихъ формъ, но за то сохранилъ другія въ первобытной простотѣ, напримѣръ: въ будущихъ временахъ изъяснительнаго наклоненія соединеніе глагола: *имать, имѣть*, съ другими глаголами (*спивашыму, спивашемо, спивашимешь, спивашымете, спивашымемъ, спивашымутъ*), окончаніе неопредѣленнаго на *ти*, и проч. — Мнѣніе, что онъ принадлежишь къ Западному отдѣленію Славянскихъ языковъ, совершенно ложно. Ученый Шаффарикъ справедливо соединилъ съ нимъ нарѣчіе Русняковъ и Рушеновъ, Волынскихъ, Галицкихъ, Буковинскихъ и Сѣверо-Венгерскихъ (*). Онъ кажется

(*) Въ Вѣстникѣ Европы (1830 г. № 4, стр. 331) жестоко укорили Издашелей Польской газеты: *Tygodnik Petersburski*, сказали даже, что они *сбютъ плеселы*, и все это за слова ихъ, что *Русскаго* нарѣчія Славянъ должно считашь до 35 милліоновъ. «Не говоря уже,» продолжашь Вѣстникъ Европы, «что извѣстіе сіе, *если-бѣ оно было и справедливо*, съ большимъ приличіемъ могли-бы они взять изъ источника не столь мутнаго, мы повтोरимъ здѣсь давно уже имъ самимъ извѣстное.» *Мутный источникъ*

намъ непоняшнымъ по причинѣ южнаго смягченія гласныхъ (я вмѣсто а; ы вмѣсто и; і вмѣсто о), оппердѣвшихъ на Сѣверѣ. Эпо-же причиною опущенія слоговъ (на примѣръ: въ изьяв. наклоненія глаголовъ, вмѣсто: кличеть, свещеть — *клизе, свище*). Кромѣ того, въ немъ множештво словъ намъ незнакомыхъ: Польскихъ, Латинскихъ, Воспочныхъ древнихъ и новыхъ (*). Пропзношеніе его вообще при-

значитъ *Исторію Русскаго народа*, мною издаваемую, изъ коей взялъ свое замѣчаніе Tygodnik. По неприличію слога спапейки, и по невѣжеству, какое нахожу въ ней, думаю, что ее писалъ не самъ почтенный М. Т. Каченовскій. Во первыхъ, Сочинитель спапейки исковеркалъ мои слова. Я сказалъ, и Tygodnik повпорилъ: *Русскаго* нарѣчія; В. Е. говоритъ *Россійскаго*, а эпо большая разница. Въ первомъ есть смыслъ, въ второе безсмыслица. Во вторыхъ, В. Е. утверждаетъ, что *Велико-Русскимъ* нарѣчіемъ (п. е. *Россійскимъ*, какъ называетъ онъ) говоритъ едва ли половина Славянъ *Европейскихъ* (?!), обитающихъ въ предѣлахъ нашего опечества, «ибо другая ихъ половина говоритъ діалектомъ южныхъ *Русиновъ*, которыми наполнены *Западныя наши губерніи*, Малороссія, Галиція, Буковина, часть Венгріи, и проч.» — Незнаніе Географіи и Спаписики, едва поспижимое, не упоминая уже о рѣшительномъ незнаніи Исторіи! Жаль, весьма жаль, что почтенный Редакторъ Вѣспника Европы допускаетъ подобныя спапци въ свой Журналъ: онъ вредитъ ученой его славі.

(*) Напримѣръ: словъ, изъ языковъ древнихъ по-жолѣній Саковъ, или Турковъ. Заключаю пакъ, найдя

яшно и легко. Кажется, что главное раздѣленіе онаго можно принять на Восточное (Харьковское) и Западное (Кіевское); первое грубѣе, второе подходитъ къ Польскому. Замѣшимъ здѣсь, что если въ этомъ видно вліяніе Польской власпи, то еще болѣе видно оно въ книжномъ языкѣ и дипломатическомъ слогѣ Малороссіянь XVI, XVII и XVIII-го вѣковъ. Это было какое-то щегольство Польскими и Лашинскими фразами, словами, и ломанье синтаксиса, похожее на книжный языкъ нашихъ древнихъ писателей. Такъ писали Русско-Нѣмецкимъ языкомъ у насъ въ началѣ, и Русско-Французскимъ въ концѣ прошедшаго вѣка. Лашпература книжнаго, *мнимого* языка Малороссіянь любопытна, пбо основанная на схоластическомъ умствованіи, она имѣла сильное вліяніе на Русскую лашпературу XVII-го вѣ-

---

въ Малроссійскомъ языкѣ слова Половецкія. Драгоценная находка Половецкаго Словаря, можетъ быть, извѣстна не всѣмъ занимающимся Русскою Исторіею. Сей Лашино-Персо-Половецкій Словарь, содержащій въ себѣ около 2500 словъ, составленъ былъ въ 1303 году, неизвѣстнымъ путешественникомъ, Ипальянцемъ. Рукопись подарена была попомъ Пепраркомъ Венеціанской бібліотекѣ. Клапротъ получилъ списокъ съ нея черезъ извѣстнаго Сальфи, и напечаталъ оный въ 3-й части своихъ *Mémoires relatifs à l'Asie* (Парижъ, 1828 г.). Желая сдѣлать сію драгоценность доступною наблюденіямъ моихъ соотечественниковъ, я намѣренъ издать Половецкій Словарь особою книжкою, съ Русскимъ переводомъ и поясненіями, если буду имѣть болѣе досуга въ будущемъ году.

ка, ввела къ намъ syllabisches стихотвореніе и Схоластику западную. Народное Малороссійское нарѣчіе не богато письменностью. Мы знаемъ *Климовскаго*, Казака-поэша, сочинителя пѣсень; *Котляревскаго*, переложившаго Энеиду на изнанку (это любимая книга всѣхъ Малороссійанъ; мнѣ случалось читать ее съ простолюдинами Малороссійскими, и они были въ восторгѣ). Въ новѣйшее время являлись опыты стихотвореній на Малороссійскомъ народномъ языкѣ, но поэты не понимали, кажется, что такое народная поэзія. Забывъ свою поэтическую сторону, свою поэтическую Исторію, они — переводили Мицкевича, Гёте, Биргера. . .

Разумѣется, что взгляды на Малороссію со всѣхъ сихъ, поверхностно означенныхъ нами, спорныхъ, желали мы найдши, и не нашли въ характеристикѣ, которой посвятилъ Г-нь Баншышъ-Каменскій 46-ю главу своей Исторіи Малороссіи. Выше мы сказали, что книга почтеннаго Автора не во всемъ удовлетворяетъ насъ, даже и тогда, когда сморъшь на нее только какъ на хронологическое собраніе фактовъ, или лѣтопись. Объясненіе причинъ завело-бы далеко. Скажемъ нѣсколько словъ :

1. Авторъ смѣшался въ происхожденіи Малороссійанъ: считаешь ихъ колонією горскихъ Черкесовъ, и съ шѣмъ вмѣстѣ числыми Руссами. Отъ сего начинаешь онъ Исторію Малороссіи Полянами, Древлянами, и 108 страницъ занимаешь просто Исторією древнихъ Руссовъ, Ташарскимъ нашеспвѣемъ, Лишвою. Тушь, все старое, все Карамзинское, а цное и до-Карамзинское цовшорено имъ, или, луч-

ше сказаць, списано, безъ всякой кришики. Мѣлочы, пустяки вошли въ его шексць, вовсе безъ нужды.

2. Почишая Казаковъ *Россіянами*, Авщоръ не могъ уже поняшь ихъ быша, ихъ отдѣльности, ихъ особеннаго появленія, и ошь шого вся Исторія Малороссіи получаешь у него шо ложное направленіе, о кошоромъ мы говорили выше (сгр. 80—82).

3. Авщоръ не всегда былъ строгъ въ выборѣ и кришикѣ матеріяловъ. Энгель для него свяшая истина; Солиньякъ авщорипетъ въ Польской Исторіи; слова Шафонскихъ и Конисскихъ почишаюшя факшами, когда они явно невѣрны.

Довольно. Не будемъ замѣчашь часшныхъ ошибокъ (напримѣръ, что Тевшонскихъ Рыцарей называешь Авщоръ *Нѣмецкими Кавалерами*; что онъ упошребляешь названія: *Малороссія*, *Малороссіянинъ*, съ древнѣйшихъ временъ, безъ разбора, и проч.), и повторимъ, что не смощря на книгу Г-на Баншышъ-Каменскаго, достойную великой благодарности, Малороссія ждешъ еще своего Историка.

Н. П.